

Иногда, чтобы начать жить —
надо просто
не бояться...

Не бойся

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦАРИНА ВЕРЕСК

18+

Царина Вереск

Не бойся

<https://litres.ru/74339157>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он вышел из колонии с одной мыслью — начать жизнь заново.

Она приехала встречать человека, которого никогда не видела раньше.

Денис привык к косым взглядам, недоверию и закрытым дверям. Варя всегда верила, что за чужими ошибками может скрываться хороший человек. Но одно случайное знакомство переворачивает их жизни.

Им предстоит столкнуться с осуждением, страхом, неприятием близких и прошлым, которое не хочет отпускать. Иногда кажется, что проще отказаться от любви, чем каждый день бороться за неё.

Но если рядом есть человек, который однажды сказал: «Не бойся», — может быть, именно это и станет началом новой жизни.

История о втором шансе, доверии и любви, которая оказалась сильнее прошлого.

Царина Вереск

Не бойся

Не бойся.

Глава 1

Варя.

Очередной утро методиста, очередной день. Как всегда полный завал работы.

Сижу над бумагами, старательно изображая ответственного сотрудника, но мысли постоянно ускользают куда-то не туда. В столовой запах кофе смешался с тёплым хлебом, а за окном мелькали знакомые лица коллег.

Свою работу я люблю, но иногда бумажная волокита способна довести даже святого. Нужен кофе. Срочно.

Наш главный алтарь - приличная кофемашина. Самое популярное место во всем центре. Если бы не она, половина коллектива давно бы умерла прямо на рабочих местах.

Я подхожу к аппарату и начинаю колдовать над капучино, которое должно вернуть мне желание жить и воспитывать подрастающее поколение.

Рядом появляется Витенька. Милый парень, очень добрый. Симпатичный. Из тех мужчин, которых мамы ставят в пример дочерям. Джинсы, ремень, заправленная модная рубашка.

Он ждет своей очереди и явно собирается что-то сказать.

Я мысленно вздыхаю. Только не это. Давай, кофемашина. Быстрее.

— Привет. Капучино?, — спрашивает он.

— Привет. Да, сегодня мне требуется ударная доза энергии.

Витенька улыбается. Переминается с ноги на ногу. Потом все-таки решается:

— Варя, не хочешь после работы выпить кофе?

Ну конечно. Я натягиваю максимально вежливую улыбку.

— Спасибо, но нет, сегодня у меня завал работы. Так просто не отвертеться

— А завтра?

Кофемашина начинает шуметь громче. Спасибо тебе, родная.

— Завтра тоже много.

— А послезавтра?

Я хватаю наконец свой стаканчик.

— Витя, ты прекрасный переговорщик, но мне правда пора.

Не дожидаясь продолжения, сбегаю обратно к своему столу, мол у меня много работы, ни секунды свободной. Что где-то является правдой.

Телефон тут же вибрирует. Сообщение от Дениса:

«Привет, зайчона. Как день?»

Я чуть улыбнулась, пальцы сами набрали ответ:

«Нормально. Скучно.»

Он сразу же прислал ещё:

«Скучно? А я могу это исправить?»

Я смеюсь про себя и тут же чувствую, как к плечу прикоснулась рука подруги.

— Ох, Варя, что там, опять любовная переписка?

— У нас не роман, — я чуть напрягаюсь.

— Конечно, конечно..., — Ира усаживается на край стола и прищуривается — А почему тогда вы строчите столько времени? Эх, Варя, умная и благоразумная девочка, как тебя угораздило только вляпаться в это? И подумай ещё пока не поздно., — она кивает в сторону кофемашины — Вон, лучше посмотри на Витю. Бедный парень уже не знает, как к тебе поступить. И куда он только тебя не приглашал. А ты все нос воротишь. С ЭТИМ переписываешься. Хорошим это ничем не закончится. Остановись уже, пока не поздно.

Я нервно улыбаюсь и отшатываюсь.

— Я... просто отвечаю ему. Мы дружим. Это все лишь поддержка. Ему ведь тяжело. Здесь нет ведь ничего такого, — пробормотала, хотя знала, что это не совсем правда.

— Ну-ну, — скривилась скептически Ира. Она смотрит так, словно разговаривает с маленьким ребенком. — Тебе не кажется странным, что ты уже восемь месяцев объясняешь мне одно и то же?

Мне нечего ответить. Потому что она права.

Восемь месяцев переписки. Восемь месяцев разговоров. Восемь месяцев споров с подругами.

Сначала я пыталась доказать. Потом оправдывалась. Потом просто молчала. Если честно, в последнее время мне хочется прятаться от этих разговоров.

Нет, Ира и Катя не злые. Наоборот. Это мои самые близкие люди. Моя поддержка. Моя защита. Я знаю, что они переживают. Знаю, что желаю мне добра. Но за последние месяцы они настолько устали от Дениса, что, кажется ненавидят его уже заочно. А я устала объяснять. Устала спорить. Устала слышать одно и то же.

Мысли кружились, как листва под ногами в ветреный день. Стыдно признаться, но все это «воспитание» от моих двух лучших подруг привели меня к тому, что я уже месяц как покупаю в аптеке валерьянку. Иногда это единственный способ сохранить душевное равновесие. Потому что каждый разговор о Денисе заканчивается одинаково.

Глубоким вечером в центре уже почти тихо. Последние дети разошлись по домам, родители тоже. Где-то в соседнем кабинете гремит стулом уборщица, а я сижу над отчётами и пытаюсь закончить таблицу, которую вполне могла сделать ещё утром.

Но утром пришёл Сема. Потом мама Коли попросила посмотреть новые карточки. Потом Прасковья Николаевна принесла документы. И вот результат.

Я устало смотрю на часы. Половина седьмого. Чёрт. Мама просила приехать к ужину. Сегодня тот самый вечер, когда вся семья собирается вместе. Нехорошо заставлять их ждать.

Телефон коротко вибрирует. Я улыбаюсь раньше, чем успеваю посмотреть на экран.

Денис: *»Жива?»*

Губы сами растягиваются.

Я: *«Пока да.»*

Ответ приходит почти сразу.

«Неубедительно.»

Я качаю головой.

«Работаю.»

«До сих пор?»

«До сих пор.»

«Росток тебя когда-нибудь отпустит домой?»

Росток - это название центра, где я работаю.

«Нет. Они подписали со мной пожизненный контракт.»

«Сочувствую. Держись»

Я убираю телефон. Улыбка всё ещё держится на лице.

Господи. Кто бы мне год назад сказал, что я буду переписываться с таким мужчиной и ждать его сообщений чаще, чем сообщений от собственных подруг - покрутила бы пальцем у виска. Примерно так, как сейчас делают Ира и Катя.

Я собираю вещи, выключаю компьютер и наконец выхожу из центра.

На улице уже приятно пахнет вечером. Май. Тёплый. Мягкий. Такой, когда хочется идти пешком и никуда не спешить.

Я спускаюсь по ступенькам и достаю телефон. Новое со-

общение.

«Зайчона.»

Улыбка возвращается мгновенно.

«Что?»

«Ты поела?»

Я закатываю глаза. Вот кто-кто, а Денис всегда может под-
нять мне настроение.

«Да. Сейчас поеду к родителям на ужин»

«Мм. Ужин у родителей это здорово.»

Я уже собираюсь ответить, когда рядом раздаётся корот-
кий сигнал клаксона.

Поднимаю голову. Тёмный внедорожник медленно катит-
ся вдоль тротуара. Окно опускается .

— Варвара Сергеевна.

Я невольно улыбаюсь.

— Иван Александрович.

— Какая официальность.

— Какая есть.

Он выходит из машины. Как всегда идеально собранный.
Светлая рубашка. Часы. Спокойная улыбка.

Иван вообще выглядит как человек, который никогда ни-
куда не опаздывает и никогда не забывает оплатить счета.

Полная противоположность мне.

— Домой? — спрашивает он.

— Не совсем. Иду к родителям.

— Подвезти?

— Не надо.

— Варя, я всё равно еду в ту сторону.

— Иван Александрович, это манипуляция.

— Это забота.

— Ещё хуже.

Он смеётся. Тихо. Тепло.

— Садись.

Я смотрю на машину. Потом на него. Потом снова на машину. И демонстративно вздыхаю.

— Ладно.

— Победа.

— Не радуйтесь раньше времени. Я могу и передумать.

— Надеюсь, что нет.

Через несколько минут мы выезжаем на дорогу. В машине играет негромкая музыка. И почему-то становится удивительно спокойно.

— Как дела в центре? — спрашивает Иван.

— Как обычно.

— То есть ты опять задержалась.

— Немножко.

— На полтора часа.

— Вы следите за мной?

— Иногда.

Я смеюсь. Он бросает быстрый взгляд в мою сторону.

— Устала?

— Есть немного.

— Тогда сегодня никаких отчётов.

— Это приказ?

— Дружеская рекомендация.

Телефон снова вибрирует. Я машинально смотрю на экран. Иван замечает.

— Варя, ты популярная девушка.

Я быстро переворачиваю экран.

— Не преувеличивайте.

— Секреты?

— Немножко.

Он не лезет дальше.

Денис: *«Доехала?»*

Я: *«Ещё нет.»*

«С кем?»

Я усмехаюсь.

«С человеком.»

Ответ приходит через несколько секунд.

«Очень информативно.»

«Учусть у тебя.»

«Плохая идея.»

Я прячу улыбку и убираю телефон.

— Хорошие новости? — спрашивает Иван.

— Просто знакомый написал.

— Тогда хорошо.

Он говорит это спокойно. Но почему-то мне кажется, что вопрос был не совсем случайным.

И я быстро перевожу разговор на племянницу. Потому что так проще и безопаснее.

В прошлом году я занималась с его племянницей, так и познакомились. По совместительству Иван еще является сыном моего босса, владельца центра «Росток.».

К родителям я приезжаю почти к семи. Во дворе уже стоит машина брата. Я улыбаюсь. Значит, приехали раньше меня. Конечно. Ведь я так задержалась.

Я мило прощаюсь с Иваном и отпускаю его. Поднимаюсь на третий этаж и открываю дверь своим ключом.

Из кухни сразу доносится мамин голос.

— Варя пришла!

— Я слышу, — отвечает отец.

— Пахнет вкусно, — кричу я, снимая туфли.

— Это потому что ты голодная, — тут же отзывается мама.

Дом. Самый настоящий. Тёплый. Где всегда пахнет ужином и где мама всё ещё считает, что я недостаточно ем.

Я захожу на кухню. За столом уже сидят отец и Егор, мой брат. Яна, его жена, раскладывает тарелки. Увидев меня, сразу улыбается.

— Наконец-то.

Я обнимаю её осторожно.

— Как вы?

— Мы отлично., — Она кладёт ладонь на уже заметно округлившийся живот. — Особенно этот гражданин.

— Или гражданка.

— Или гражданка, — смеётся Яна.

Егор поднимается из-за стола и целует меня в макушку. Как всегда, будто мне до сих пор двенадцать.

— Привет.

— Привет.

— Опять задержалась.

— Всего на полчаса.

— На сорок семь минут.

— Ты засекал?

— Конечно.

Я закатываю глаза.

Мама ставит передо мной тарелку.

— Садись уже, а то уж думали без тебя начнем.

— Да сажусь я.

Отец качает головой.

— Вся в мать. Сначала болтает, потом ест.

— Я всё слышу.

— И правильно.

Все смеются. Наверное, именно за это люблю наши семейные ужины. Здесь всё понятно. Правильно. Спокойно. Как должно быть. Папа работает. Мама заботится обо всех подряд. Егор давно женат. Скоро станет отцом. Яна — идеальная невестка. Добрая. Спокойная. Умная.

И я... Я тоже всегда стараюсь быть правильной. Хорошей дочерью. Хорошей сестрой. Хорошим человеком. Не спо-

ритель. Не расстраивать. Не делать ничего такого, от чего мама начнёт хвататься за сердце, а Егор смотреть тем самым взглядом.

Иногда мне кажется, что половину решений в жизни я принимаю потому, что так правильно. А не потому, что сама этого хочу.

— Варя.

Я моргаю.

— А?

— Ты опять улетела куда-то, — говорит мама. — Работать меньше надо.

— Кто бы говорил.

— Я мать.

— Это не аргумент.

— Это главный аргумент.

За столом снова смеются. Ужин проходит как всегда. Обсуждают ремонт у соседей. Работу Егора. Будущего ребёнка. Имя пока не выбрали. Поэтому спорят уже вторую неделю. Отец хочет внука Сергея. Егор категорически против. Мама вообще считает, что родится девочка.

Я просто слушаю. И наслаждаюсь моментом. Потому что такие вечера случаются всё реже. Мы уже давно выросли. У каждого своя жизнь. И тем ценнее становятся такие встречи.

— В следующем месяце обещали повышение, — небрежно бросает Егор.

— Как здорово! Умница, сыночек!, — восхваляет мама.

— Да, думаю можно будет поменять машину через пару месяцев, а то расходы на детскую сильно подкосили бюджет.

Яна как-то странно кривит губы, будто дело вовсе не в тратах на детскую. Егор отличный муж и еще лучший будет отец, ничего не жалеет на своего ребенка. Но как-то вопрос денег в последнее время сметал улыбку с ее лица.

— Может сейчас поменяешь?, — предлагает отец. — Если что мы поможем.

— Да нет, мы сами. Я как раз смогу отложить, а может и раньше получится.

Яна снова загадочно приподняла брови, опустила глава в тарелку. Молчит.

— А ты сестренка?

— Что?

— Ты не надумала еще замуж выходить?

Я чуть не давлюсь чаем.

— Нет. У меня нет жениха на примете.

— Варя, неужели у тебя нет никого достойного в твоём окружении?, — удивляется мама. — Может какой учитель, или декан?

— Что вы, я работаю с детьми, так что если я и вижу мужчин, то только они женаты и у них есть дети, — отшучиваюсь.

— Так дело не пойдёт, — встревает Яна. — Конечно, так жениха не найдешь. Ты целыми сутками работаешь в своей конуре, еще и сверхурочно. Надо куда-то выходить - там схо-

ди с подругами в клуб, в кафе, в бар..

— Ну-ну, попрошу, — с юмором встрял Егор, — Куда это ты мою сестру посылаешь?

— А где по твоему можно познакомиться?

— Моя сестренка по таким заведениям не ходит. Она слишком хороша и нечего ей там делать. Какие парни могут быть в клубе?

— Это верно, Егор, — соглашается мама. - Хорошо, что Варя не такая, а то привела бы непойми кого.

— Да, моя сестренка достойна самого лучшего., — подхватывает брат — Я уже смирился с тем что ты уже выросла и готова к семье, но отдавать тебя за кого попало я не собираюсь. Этот парень должен пройти мой личный отбор.

— Ну тогда я точно не выйду замуж.

— Не говори ерунды Варя, — говорит мама, — Достойный парень найдется, я уверена. Вот дочь моей подруги тоже сидела сидела и тут ее отправили вместо секретаря на одно совещание и там ей встретился прекрасный парень - хорошая семья, умный, образованный. Кажется скоро планируют свадьбу. Как я рада Варечка, что ты работаешь в «Ростке» - отличное место. Я была уверена, что тебя возьмут. Только вот правда не слишком ли ты много работаешь? Может можно как-то уменьшить рабочие часы.

— Ну пока не получается.

— Буду думать, что это потому что ты хороший специалист, а не то что на тебе можно ездить, - добавил Егор.

И то и то правда.

Я смеюсь. Но внутри становится неожиданно немного грустно. Все они сейчас говорят об одном и том же. О хорошем мужчине. Образованном. Надежном. Таком, которого можно без стыда привести домой. И никто из них даже представить не может, что последние восемь месяцев я почти каждый день переписываюсь с человеком, который не подходит ни под один из этих пунктов.

После ужина мама отправляет мужчин переставлять какую-то полку в кладовке. Егор ворчит. Отец ворчит ещё громче. Но оба идут.

Яна собирает чашки.

— Давай помогу.

— Давай.

Мы остаёмся на кухне вдвоём. Несколько минут просто убираем со стола.

— Фух, с каждым днем становится все тяжелее выполнять домашнюю работу, - говорит Яна.

— Давай я сама помою.

— Да нет, не настолько я еще обессилена. Просто иногда охото сесть и не вставать.

— Егор помогает тебе?

— Конечно. Все свободное время возле меня. Недавно притащил какую-то детскую качалку, но она такая дорогушная. Да и не знаю понадобится ли она нам вообще.

— Егор для своей семьи ничего не пожалеет, он такой.

— Да...

Потом Яна вдруг становится серьёзное.

— Варь.

— М-м?

— Можно вопрос?

Я настораживаюсь.

— Конечно.

Она ставит кружку в шкаф. Медленно. Будто подбирает слова.

— Тебе не кажется, что Егор в последнее время немного изменился?

Я удивлённо смотрю на неё.

— В смысле?

— Не знаю., — Она пожимает плечами. — Может, я накручиваю себя.

— Ян.

— Он начал играть.

— Во что?

— Ставки какие-то.

Я хмурюсь.

— Серьёзно?

— Да нет, не страшно пока., — Она быстро добавляет: — Там совсем мелочи. Сто рублей. Сто пятьдесят. Иногда двести.

— И часто?

— Не каждый день., — Она опускает взгляд. — Но раньше

вообще не было.

Я молчу. Егор никогда не производил впечатления азартного человека. Наоборот. Он всегда был самым разумным из нас.

— Ты говорила с ним?

— Говорила.

— И?

— Он смеётся., — грустно улыбается. — Говорит, что это просто ради интереса.

Я складываю полотенце.

— Может, действительно просто ради интереса.

— Может., — Но в голосе Яны слышится сомнение.

И мне вдруг становится тревожно. Совсем немного. Но достаточно, чтобы запомнить этот разговор.

— Ты только не переживай раньше времени, ладно?

Яна улыбается. Проводит ладонью по животу.

— Стараюсь.

— Если что-то будет не так, скажешь мне. Это все скорее всего что-то действительно не серьезное. Ты ведь знаешь Егора. Он никогда не будет чем-то рисковать.

— Конечно.

Из коридора доносится голос Егора:

— Девчонки, вы где там потерялись?

— Идём! — кричит Яна.

Она улыбается уже привычной улыбкой. Тёплой. Спокойной. Но когда выходит из кухни, я ещё несколько секунд

смотрю ей вслед. И почему-то думаю, что она переживает сильнее, чем хочет показать.

Домой я выхожу уже около десяти. Воздух тёплый. Где-то во дворе смеются подростки, лает собака, а я иду по знакомой улице и думаю о Яне.

Телефон звонит. Ира.

— Привет, еще раз. Ты не забыла, что завтра обещала меня подменить? Решила тебе напомнить.

— Даже не спросишь, хочу ли я?

— Нет.

— Какая ты добрая.

— Знаю.

Я улыбаюсь.

— Зачем тебе час?

— Маникюр.

— Очень уважительная причина.

— Я тоже так считаю. Поэтому не засиживайся до поздна в своем телефоне. Кстати... твой сиделец писал сегодня?

Я тяжело выдыхаю.

— Ира.

— Что Ира?

— Нормально всё.

— Варя, я серьёзно.

— И я серьёзно.

— Ты слишком спокойно к этому относишься.

Я смотрю на тёмные окна домов.

— Может быть.

— Ты его даже не видела ни разу.

— Видела на фото.

— Это не считается.

Я качаю головой.

— Спокойной ночи, Ира.

— Ладно. Но я тебя предупреждала.

Она отключается.

Я убираю телефон в карман и медленно иду дальше. Наверное, они все правы. И Ира. И Катя. И мама бы сказала то же самое. И Егор. И любой нормальный человек.

Потому что как ни крути... Дело в том, что он действительно сидит.

Глава 2

Варя.

Да-да, вы не ослышались. Он сидит.

Не сидел. Не сидел когда-то давно. Не бывший заключённый. Не человек с туманным прошлым

На данный момент, прямо сейчас, пока я иду домой по освещённой фонарями улице, Денис Мельников находится в исправительной колонии в двухстах километрах отсюда.

И именно с ним я переписываюсь уже почти восемь месяцев.

Если бы год назад кто-нибудь сказал мне, что я окажусь в такой ситуации, я бы рассмеялась человеку в лицо. Потому

что это не про меня.

Я вообще девочка правильная. Из хорошей семьи. С нормальной работой. Без бунтарских наклонностей и тяги к приключениям. Я даже дорогу перехожу только на зелёный. Но жизнь почему-то решила пошутить.

Началось всё совершенно случайно. В тот вечер я просто листала ленту. Устала после работы. Лежала на диване. Ничего особенного. Тогда мне пришло сообщение. От незнакомого мужчины. Обычное. Без пошлостей. Без дурацких подкатов. Без фотографии определённого места организма вместо приветствия.

Просто:

"Привет. Красивая улыбка."

Я не ответила. Потом он написал ещё через несколько дней. Снова ничего особенного. Снова проигнорировала. Потом ещё раз. И почему-то именно тогда ответила. До сих пор не знаю почему. Наверное, от скуки. Наверное, потому что был тяжёлый день. Наверное, потому что мне понравилось, что он не пытался изображать из себя кого-то другого.

Слово за слово. Сообщение за сообщением. Мы начали общаться. Сначала пару раз в неделю. Потом каждый день. Потом я стала замечать, что улыбаюсь его сообщениям. Потом привыкла желать ему доброго утра. Потом начала ждать ответа.

Правду я узнала через несколько дней переписки. Точнее наверное сообщений. Мы как-то оба поняли, что речь идет

уже о знакомстве, а не просто перебрасыванием парой фраз. Денис написал сам. Честно. Без попыток приукрасить. Без жалости к себе. Без оправданий. Просто сообщил, что находится в колонии.

Помню, как тогда закрыла телефон и почти сутки не отвечала. Думала. Пугалась. Представляла себе всё самое ужасное. Пыталась убедить себя, что нужно закончить это прямо сейчас. А потом всё равно написала. Потому что за это время Денис уже успел стать для меня не заключённым. Не уголовником. Не человеком из новостей. Он стал просто Денисом. Тем самым мужчиной, который спрашивал, поела ли я. Который называл меня зайчоной. Который смешил меня после тяжёлых дней. И который почему-то оказался гораздо человечнее многих людей на свободе.

Так началось наше общение. Просто каждый день дружеская поддержка. Денис ничего не требовал, ничего не просил, ничего не обещал. Ему было важно просто чтобы я ему отвечала. И я отвечала. В какой-то момент для меня это стало важным.

Если вдуматься, звучит это совершенно абсурдно. Варвара Сергеевна - педагог высшей категории, умница, отличница, из интеллигентной семьи, что лишь мило улыбается и никогда не позволит себе оочень углублённого декольте, общается с уголовником. Мысль звучит просто фантастически для каждого знакомого человека. И мне в кошмарном сне бы не приснилось такое кому-нибудь рассказать.

Этим я только осмелилась поделиться с подругами и по-
неслось. Вот тогда начался настоящий кошмар.

— Нет. Нет и ещё раз нет., — Ира ставит чашку на стол так решительно, будто только что вынесла окончательный судеб-
ный приговор.

Я вздыхаю.

— Мы даже не начали.

— А что начинать? Я всё уже сказала., — подруга сидит с
лицом прокурора, который собирается посадить особо опас-
ного преступника.

Напротив неё сидит Катя и с интересом переводит взгляд
с меня на Иру.

— Я полностью согласна с Ирой. Варя, ну о чем тут можно
говорить?, — и тут же добавляет — А он хоть симпатичный?

— Катя!, — возмущается Ира.

— Что? Мне интересно!

Да, это правда. Помню как налились глаза Кати о новости
о Денисе, подруга наверное яростнее кряхтела, чем Ира. Но
ее природная девичья натура иногда берет вверх.

— Не это сейчас важно.

Я невольно улыбаюсь.

Катя сразу оживляется.

— Ага! Улыбается! Значит симпатичный.

— Варя!

— Что Варя? — смеюсь я.

— Ты вообще слышишь себя?, — Ира подаётся вперёд.

— Он сидит.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Ты это произносишь как будто он работает в соседнем городе.

— Ира...

— Он сидит в тюрьме. В настоящей. С охраной, решетками, режимом. Какой еще тут может быть аргумент?

Катя кивает.

— Это, конечно, минус.

— Конечно?!, — косится Ира.

— Большой минус., — поправляет Катя.

— Спасибо, Катя.

— Всегда пожалуйста., — тут же отпивает свой кофе и смотрит в сторону.

Наши обычные посиделки с моими девчонками. Мы любим собираться вместе и поболтать немного. О чем мы начали? Ах да, Катя купила новые туфли и хочет в них сходить на свидание. Потом как-то перешли, что в туфлях неудобно на загородном корпоративе. Потом что прошлый корпоратив был отстой. А вот тогда на первом курсе была просто бомба.. или нет... этот разговор был в прошлый раз.

Так с чего же мы начали? Теперь даже и не вспомнишь. Потому что каждый раз все сводится к одному. Неважно какая тема она быстро перетекает к человеку, который сидит в двухстах километрах отсюда. Начинаю подозревать, что это какой-то талант.

Я качаю головой.

— Вы драматизируете.

— Мы переживаем., — На этот раз голос Иры становится серьезнее. — Варя, ты хорошая девочка.

Я морщусь. Ненавижу эту формулировку.

— Не начинай.

— Начну., — Она не отступает. — У тебя нормальная семья.

— Да.

— Нормальная работа.

— Да.

— Нормальная жизнь.

— Да.

— Тогда объясни мне, зачем тебе мужчина из колонии?

Я открываю рот. И закрываю. Потому что сама не знаю ответа.

И вообще он мне не мужчина. Мы просто переписываемся. Он друг. За все время Денис не разу не намекнул на что-то романтическое. Никак не обозначал меня, не предлагал свидание или говорил что-то о любви. Да, его манера речи может где-то показаться заигрыванием. Но это всего лишь дружеское общение. И объяснить это становится все сложнее.

— Варя, ты добрая девочка. И такие девочки очень любят спасать людей.

— Я никого не спасаю.

— Уверена?

Я молча смотрю на Иру.

— Ты его жалеешь?

— Нет

— Тогда почему оправдываешь каждую вещь, связанную с ним?

Катя тут же встречается:

— А за что он сидит?

— За драку.

— Вот!, — Ира победно разводит руками. — За драку.

— Там была самооборона., — начинаю тихо мямлить я.

— Так говорят все. Естественно он не виноват, его подставили. Или был несправедливый суд. Или виноват кто угодно, кроме них самих.

— Ира., — умоляюще произношу ее имя.

— Что Ира? Варя, серьезно. Ты его никогда не видела. Только переписка.

— Мы почти восемь месяцев общаемся.

— Еще немного и что-то может родиться, — с иронией произносит Катя подпирая голову.

— И что?, — возмущается Ира.

— Я его знаю.

— Нет., — Ира качает головой. — Ты знаешь ту версию, которую он тебе показывает.

Я отвожу взгляд.

— Он не такой.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что..., — запинаясь.

Потому что что? Потому что он спрашивает, поела ли я?
Потому что желает доброго утра? Потому что смешит меня?

Звучит неубедительно даже в моей голове.

— Вот именно, — замечает Ира.

Катя задумчиво мешает ложечкой кофе.

— А передачи ты ему правда посылала?

Я чувствую, как краснеют уши.

— Два раза.

— Господи, Варя..., — Ира закрывает глаза. — Ты ещё и передачи ему посылала.

— Там ничего такого не было., — тут же пытаюсь оправдаться. Кажется мой запал защиты начинает понемногу сыпаться.

— Конечно.

— Чай. Конфеты. Носки.

— Замечательно.

— Ир. И вообще Денис не просил, это была моя инициатива от чистого сердца.

— Варя, а если таких как ты у него десять, чистосердечных?

Я замираю.

— Что?

— А что?, — Она пожимает плечами. — Ты думаешь, ты одна такая добрая? Может там целой очередью ему чай и

носки отправляете.

Я хочу возмутиться. Что девочки думают о Денисе и мне? Как такая идея только возникла у них в голове. Звучит омерзительно.

Но почему-то не получается сразу. Потому что эта мысль никогда не приходила мне в голову. А теперь пришла. И уже никуда не денется. Так я никогда не думала. Я верю Денису и у меня мысли не возникало, что может он не только мне «с добрым утром» шлет.

Если же это правда... Как ужасно.

— Не начинай., — бубню уже себе под нос, настроение падает уже совсем окончательно. Хочу сбежать к себе домой и зарыться под одеяло и больше ничего не слышать о Мельникове.

— Почему?

— Потому что это глупость.

— А вдруг нет?

Катя осторожно кивает.

— Вообще... логично.

— Спасибо, Катя.

— Я просто рассуждаю.

— Не надо.

Ира снова смотрит на меня. Уже без раздражения. Только с тревогой.

— Варь, послушай.

Я молчу.

— Мы не издеваемся. Мы правда переживаем., — Она вздыхает, смотрит на меня почти с жалостью. — Сколько он сидит?

— Почти три года.

— Три года.. — Ира качает головой.

— Ира...

— Нет, правда. Три года! Он выйдет и окажется в совершенно в другой жизни., — Она наклоняется ко мне. — Он три года сидел в другом мире! Работа. Семья. Деньги. Агрессия.

Я поднимаю глаза.

— Что?

— Он сидел за драку.

— Он защищал женщину.

— Но драка всё равно была. Как ты думаешь, нормальный человек будет так бить другого, что окажется за решеткой?

За столом повисает тишина. Ира смотрит на меня очень внимательно.

— Варя.

— Что?

— Только не вздумай его ждать.

У меня внутри что-то неприятно сжимается.

— Почему?

— В смысле ты спрашиваешь «почему»? Ты что уже его ждешь?

— Он что-то тебе говорил?, — встревает Катя.

Я открываю рот. И понимаю, что возразить нечего.

— И тем более не вздумай ехать его встречать.

На секунду мне становится трудно дышать.

Катя кивает.

— Да. Вот это уже совсем плохая идея.

— Мы за тебя волнуемся., — продолжает Ира с тревогой.

— Очень., — поддакивает Катя.

— Потому что все они одинаковые.

Я тихо усмехаюсь.

— Все?

— Все.

— Ты лично многих проверяла?, — грозно смотрю на подругу из-под лба.

— Не умничай., — тут же осуждает меня.

Я опускаю взгляд в чашку. И почему-то вспоминаю сообщение Дениса сегодняшним утром.

"Жива там?" И свою улыбку.

Я прекрасно понимаю что девочки хотят мне донести. Но неужели они так плохо меня знают? Почему не могут просто мне поверить и уже отпустить эту ситуацию? Прекратить уже эти вопли постоянно. Наша дружба превращается в непонятно что. Каждый раз все сводится к негативу, будто нам уже и поговорить не о чем.

А может все же они в чем-то и правы? Может действительно Денис мне так голову закружил, что я вокруг ничего не вижу?

Но он такой... Тяжело поверить, что Мельников меня в чем-то обманывает. Не могу в это поверить. То как он пишет и что говорит - ну, не может это быть обманом!

— Я все же надеюсь Варя, что годы в институте не прошли даром и в тебе проснется адекватный человек.

— Напиши ему, что мол спасибо за общение, но нам пора прекратить, было приятно. А лучше вообще заблокируй., — предлагает свой вариант Катя.

— Не хватало его еще здесь рядом с тобой.

— А вдруг он что-то сворует у тебя? Или действительно начнет бить? Скажешь не то слово и получишь? Какой ужас!, — хватается за сердце Катя.

— Так, Катя не перегибай. Такой вариант мы отмечаем. Варя же не приведет его к себе, ты ведь умненькая. Я уверена что в первый же день ты получишь максимум смс - прости дорогая но нам не по пути. Укатит к одной из своих баб, что о нем пеклись все это время.

— Ира!, — взрываюсь отчаянием.

— Все, разговор закрыт. Варя берись за ум пока не поздно. Не трать свое время на это. Ты ведь такая классная девченка. Ну почему так то?

Я опускаю взгляд в чашку. Потому что спорить больше нет сил. Потому что они говорят все это из любви. Потому что часть меня понимает их.

И потому что, как бы ни старались Ира и Катя вправить мне мозги... Я всё равно жду его сообщений.

Глава 3

Варя

День отвратительный.

Нет. Не так. День - редкостная дрянь.

Начинается все еще утром, когда я ломаю каблук. Не красиво. Не эффектно не как в фильмах, где героиня обязательно успевает подхватить девушку за талию. Нет. Причём не где-нибудь возле дома. Нет. Посреди тротуара. В самый час пик. При толпе свидетелей.

Я просто наступаю на какую-то щель в плитке возле остановки, слышу хруст и едва не падаю носом вперед. Так что оставшиеся двести метров до центра я ковыляла как подстреленная цапля, проклиная всё на свете и пытаюсь сохранить остатки достоинства.

Потом цепляюсь колготками за ручку стула. Новые. Которые я надела первый раз. Потом обнаруживаю стрелку размером с Волгу. Конечно же. Когда ещё?

После этого я решила, что хуже уже не будет. Как же я ошибалась. Потому что в девять утра на мой стол приземлилась толстая папка с документами. В десять — ещё одна. В одиннадцать Просковья Николаевна вспомнила про отчёт, который нужен был ещё вчера. К обеду мой стол выглядит так, будто бумажная фабрика решила умереть именно здесь.

Сажу среди отчетов, журналов, карточек и каких-то бесконечных таблиц и уже мечтаю сбежать в лес. Жить в палат-

ке. И никогда больше не видеть принтер.

В двенадцать я поняла, что не успеваю вообще ничего. А в половине второго появился он.

Отец Семена. Савелий Викторович. Мой персональный ночной кошмар. Точнее дневной. Потому что приходил он исключительно днём. И обязательно с претензиями.

Он относится к тому типу родителей, которым обязательно нужно найти проблему. Если проблем нет - придумать. Если придумать не получается - создать самостоятельно.

Сегодня претензия была новая. Семен не хотел выполнять домашнее задание. По мнению папы виновата была я. Логика мне до сих пор непонятна.

— Вы должны были его заинтересовать.

Я смотрела на мужчину и очень старалась сохранить профессиональное лицо.

Очень.

— Мы занимаемся с Семеном два раза в неделю.

— И?

— Остальное время он находится дома.

— Намекаете, что проблема в семье?

Нет. Я намекаю, что не могу физически контролировать вашего сына двадцать четыре часа в сутки.

Но вслух, конечно, этого не говорю. Потому что я взрослая. Воспитанная. И мне нужна эта работа.

Поэтому улыбаюсь. Объясняю. Снова улыбаюсь. Снова объясняю. Мысленно считаю до пяти. Потом до десяти. По-

том еще раз до десяти.

Очень хочется плакать. Или убивать. Одно из двух.

Через двадцать минут отец Семена наконец уходит.

А я падаю обратно в кресло и роняю голову на стол. Господи. За что? Я же хороший человек. Я детей люблю. Бабушек через дорогу перевозжу. Налоги плачу. Почему тогда мне достался именно Савелий Викторович?

— Литвинова.

Поднимаю взгляд. Ира.

— Ты жива?

— Пока да.

— Выглядишь плохо.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Она ставит передо мной стаканчик кофе. Я готова расплакаться от благодарности. Честное слово. Потому что сегодня именно такой день. Когда хочется лечь на пол. Свернуться клубочком. И чтобы никто не трогал. Вообще никто.

— Люблю тебя., — бурчу смотря на заветный стаканчик.

— Я знаю.

Я беру кофе двумя руками. Смотрю на заваленный стол. На документы. На список задач. На стрелку на колготках. И понимаю, что до конца рабочего дня еще четыре часа. Четыре. Часа. Отлично. Просто отлично.

Домой я возвращаюсь выжатая как лимон. Снимаю туфли ещё в прихожей. Босиком дохожу до кухни.

Завариваю чай. Потом забираюсь на диван с кружкой и пледом. И только тогда открываю телефон.

Сообщение от Дениса пришло ещё двадцать минут назад.

«Зайчона. Живая?»

Я улыбаюсь. Кажется, это уже традиция.

«С трудом.»

Ответ появляется почти сразу.

«Настолько плохо?»

«У меня сломался каблук.»

«Соболезную.»

«Порвались колготки.»

«Очень соболезную.»

«Отец Семена опять приходил качать права.»

На этот раз Мельников отвечает не сразу.

«Это тот придурок, который считает, что его ребёнка должны воспитывать все вокруг, кроме него?»

Я невольно смеюсь.

«Да.»

«Тогда он всё ещё придурок.»

«Денис.»

«Что?»

«Нельзя так говорить про родителей учеников.»

«Можно. Я же не твой начальник.»

Я качаю головой. Настроение почему-то становится лучше. Как всегда после разговора с ним. Мне приятно, что Денис всегда заступает за меня, хоть и мысленно на рассто-

янии.

Наверное, потому что он никогда не пытался быть правильным. Не искал оправдания другим людям. Не предлагал посмотреть на ситуацию с другой стороны. Если человек вел себя как идиот, Денис честно говорил, что человек ведет себя как идиот. Иногда это раздражало. Но чаще почему-то успокаивало.

Через пару секунд приходит ещё одно сообщение.

«И вообще, я с ним разберусь, когда буду на свободе.»

Я фыркаю.

«И когда это будет?»

Ответ приходит почти мгновенно.

«Уже через четыре дня выхожу.»

У меня внутри всё замирает. Улыбка медленно исчезает с моего лица. Я несколько секунд просто смотрю на экран. Потом перечитываю сообщение ещё раз. И ещё. Хотя буквы не меняются.

«Серьёзно?»

«Угу.»

Господи. Я медленно опускаю телефон на колени. Смотрю в стену. Потом снова хватаюсь за экран.

«Не начинай только паниковать.»

Поздно я уже паникую чуть-чуть. Самую капельку. Потом вдруг понимаю простую вещь. Все эти месяцы Денис существовал в моем телефоне. В сообщениях. В голосовых. В фотографиях. Я знала его любимые песни. Знала, что он

терпеть не может овсянку. Что ненавидит холод. Что любит крепкий чай. Что курит слишком много. Что переживает за родителей. Что скучает по собаке, которая умерла два года назад. Знала десятки мелочей. Но при этом никогда не видела его рядом.

Я смеюсь. Хотя ладони почему-то становятся влажными. Четыре дня. Всего четыре дня. И человек, который почти год был только сообщениями, фотографиями и голосом, окажется рядом. Настоящий. Живой.

«Тяжёлый день был?»

«Очень.»

«Ложись спать пораньше.»

«Командуешь?»

«Забочусь.»

Улыбка сама появляется на губах.

«Денис.»

«М?»

Я долго смотрю на экран. Потом всё-таки печатаю.

«А тебя будут встречать?»

«Родители. Жора с Пашкой обещали приехать.»

Шальная идея, что только что пришла мне в голову, кажется такой глупой. Но сейчас мне она показалась правильной. Несколько секунд я собираюсь с духом. Потом пишу:

«А я могу приехать?»

Отправляю и сразу хочется провалиться сквозь землю.

Ответа нет. Минуту. Другую. Третью. Я уже начинаю жа-

леть, что вообще это написала.

Блин, не было ли это слишком с моей стороны? Все же мы чужие друг другу люди и тут я такое предлагаю. Или может Денис правда не хочет меня видеть. Мы никогда не виделись. Он меня даже не знает толком. Может... там будет куча родственников. Может, бывшая. Может его будет встречать кто-то еще. Может, я вообще лишняя.

И тут сообщение появляется.

«Зайчона, ты уверена?»

Сердце стучит ещё сильнее. Теперь кажется не уверена, но отвечаю.

«Да.»

Снова пауза. Потом:

«Тогда приезжай.»

Я закусываю губу. Улыбка становится совершенно глупой. Внутри становится одновременно страшно и хорошо.

«Правда?»

«Правда.»

Мне приходит мысль, что говорили мне Ира и Катя - может я не одна встречающая буду. Женщина, о которой он не рассказывал, бывшая, подруга... Что если там будет гарем поклонниц?

Господи. Даже звучит глупо.

«Я не помешаю?»

«Нет.»

Это успокаивает. Но все же безумно волнуюсь. И следом

ещё одно сообщение.

«Предупрежу родителей, что ты приедешь.»

Я замираю.

«Хорошо.»

«Завтра скину адрес. Заедешь к ним, поедете вместе.»

Я смотрю на экран. Потом снова перечитываю последнее сообщение.

«Заедешь к ним.» К его родителям.

И внезапно понимаю, что всё становится слишком настоящим. Слишком реальным.

До этого момента все казалось каким-то далеким. Почти ненастоящим. Безопасным.

Через четыре дня Денис Мельников выйдет на свободу. А я буду стоять среди людей, которые любят его не по фотографиям и сообщениям и ждали его все эти годы. И ждать вместе с ними.

В этот момент я вдруг понимаю, что волнуюсь вовсе не из-за встречи. Я боюсь другого. Что он окажется совсем не таким, каким я его придумала. И что я окажусь совсем не такой, какой он представляет меня.

Глава 4

Варя

Я стою перед дверью квартиры Мельниковых и впервые за последние четыре дня по-настоящему хочу сбежать. Домой. В свой уютный мир. В свою понятную жизнь. К своим детям

в центре. Да хоть к Савелию Викторовичу. Хотя с Савелием Викторовичем я наверное, погорячилась. Потому что всё это внезапно стало слишком реальным.

Одно дело переписываться с Денисом по вечерам. Совсем другое — стоять сейчас перед дверью его родителей. Людей, которые знают его всю жизнь. Которые переживали за него все эти три года. Которые сегодня поедут встречать сына из колонии.

А я? Кто я вообще здесь? Подруга по переписке? Знакомая? Просто девушка из интернета? Девушка?

Нет. Последнее точно нет. Мы ни разу не виделись. Даже за руку друг друга не держали.

В животе неприятно скручивает. То ли тошнит, то ли хочется в туалет. То ли все сразу. Не хватало еще такого шоу здесь устроить. Ладони ледяные. Сердце колотится так, будто я не в гости приехала, а пришла сдавать вступительные экзамены. Господи. Что я здесь делаю?

Последние четыре дня прошли как в тумане. Работа. Дом. Переписка. Паника. Снова работа. Снова паника. Я столько раз открывала его фотографии, что уже знала наизусть каждую. Вот он возле машины. Вот на какой-то рыбалке. Вот улыбается рядом с друзьями. Вот фотография с собакой. Вот селфи в спортивном костюме. Вот еще одна. И еще. И еще. И всё равно не могла представить, каким он окажется рядом.

Утром конечно был откат и кажется еще сильнее переживала, чем когда спросила у Дениса можно ли его встретить.

Но потом как-то отвлеклась, успокоилась.

А утром вновь осознала всю реальность. Действительно реальность. Встала в пять утра, собралась. Думала что одеть - странно, вроде мы увидимся впервые и не хочется быть просто в футболке и кедах, все же хотелось выглядеть хорошо. Но и не на свидание иду, производить впечатление глупо. Да и как вообще встречают мужчин из тюрьмы? Особенно незнакомых? Особенно который не твой?

В итоге решила одеть светло-голубую рубашку, темные джинсы и белые кеды. Самый безопасный вариант из всех возможных. Хотя сейчас, стоя перед дверью, уже не уверена ни в чем. Ни в одежде. Ни в прическе. Ни в себе. Паника вернулась. С удвоенной силой.

Адрес, что скинул Денис нашла легко с первой попытки. Простая хрущевка, ничего особенного, ничего убогого. Аккуратный двор, полисадник под окнами, детская площадка.

Но безумно волнуюсь. Хочется поддержки. Кому-нибудь позвонить, чтобы меня успокоили, сказали, что я не сошла с ума. Но девочкам позвонить не могу. Они вообще не должны узнать о моей авантюре. Представляю что они мне выскажут и какой шум поднимут если я сейчас им позвоню. Ира придет лично, чтобы забрать меня домой. И всю дорогу будет читать лекцию. Катя ей поможет.

Поэтому остаюсь одна. Со своей паникой. И своими сомнениями.

О чем я вообще думала, затевая все это. Но в тот момент

мне правда хотелось его встретить, увидеть, поддержать.

Телефон вибрирует. Сообщение. Денис. А вот и «поддержка»

«Доехала?»

Я нервно улыбаюсь.

«Стою под дверью.»

«Не сбежала ещё?»

Я тихо смеюсь. Потому что именно об этом думаю последние десять минут.

«Пока нет.»

«Молодец, зайчона.»

Я закусываю губу. Поправляю ремешок сумки. Вытираю внезапно вспотевшие ладони о джинсы. Делаю выдох. И нажимаю звонок.

За дверью слышатся шаги. Потом щёлкает замок. Дверь открывается.

На пороге стоит женщина лет пятидесяти пяти внимательно смотрит на меня. Добрые глаза. Светлые волосы. И очень заметное волнение. Мне кажется, что она сейчас находится в таком состоянии, что даже не понимает кто перед ней стоит. Даже не спросила за дверью кто там, с легкостью открыла.

— Здравствуйте., — произношу я как-то совсем неожиданно тихо.

— Здравствуйте.

— Я Варвара Литвинова. Денис должен был предупредить..

Она тут же улыбается. Немного неуверенно, растерянно, смущенно.

— Да, конечно. Я Вера Николаевна. Мама Дениса.

У меня внутри всё переворачивается. Щеки вспыхивают румянцем.

— Очень приятно.

— И мне, — Она отступает в сторону. — Проходи.

Я захожу в квартиру. Небольшую. Уютную. Светлую. И тут же ощущаю легкую неловкость.

В прихожей старый шкаф. На тумбочке лежат ключи. На вешалке висят куртки. На стене фотографии. Много фотографий. Семья. Праздники. Море. И где-то среди них наверняка есть маленький Денис.

Мне становится ещё неловче. Будто я случайно оказалась в чужой жизни.

— Разувайся, — мягко говорит Вера Николаевна.

— Спасибо.

Я аккуратно снимаю обувь, стараясь не выглядеть совсем уж потерянной, ставлю ее и иду следом за Верой Николаевной.

Из комнаты выходит мужчина. Высокий. Седой. С серьезным лицом. Он внимательно смотрит на меня.

— Варвара?

— Да., — тушуюсь я.

— Андрей Петрович.

Мы пожимаем руки. Ладонь у него крепкая. Теплая.

Он выглядит строже жены. Но я сразу замечаю усталость под глазами. И тревогу. Такую же, как у неё. Такую же, как у меня.

Неверное, сегодня ночью никто из них не спал. Да и как тут уснешь. Сегодня их сын возвращается домой.

Вера Николаевна мягко и рассеяно улыбается. Это немного придает сил. Видимо Андрей Петрович не такой злой дядька как кажется. Буду считать это так.

— Чай будешь? — спрашивает Вера Николаевна.

— Нет, спасибо.

— Точно?

— Точно.

Повисает небольшая пауза. Не тяжёлая. Просто неловкая. Мы все пока не понимаем, как друг с другом разговаривать. Я не понимаю, кто я для них. Они не понимают, кто я для Дениса. Наверное.

— Долго добиралась? — спрашивает Андрей Петрович.

— Около часа.

— Понятно.

Снова тишина.

Потом Вера Николаевна неожиданно улыбается.

— Он часто о тебе говорил.

Я поднимаю взгляд.

— Правда?

— Конечно., — она улыбается чуть увереннее. — Все переживал, что ты перестанешь ему писать.

У меня внутри что-то дрогнуло. Потому что Денис никогда об этом не говорил. Ни разу.

— Правда переживал?

— Еще как., — Андрей Петрович усмехается. Первый раз за все время.

— Андрей..., — косится Вера Николаевна.

— Что Андрей?

— Не смущай девушку.

Чувствую себя как не в своей тарелке. Такое ощущение, что я как будто мешаю им собираться или прервала их разговор, что не должна слышать.

Решаю тихо посидеть на диване. Смотрю по сторонам. Это квартира родителей. На сколько я знаю по рассказам Дениса он уже дивным давно не живет с ними. Мальчик уже большой. Но сейчас у него квартиры нет, он ее оставил. Так что видимо будет жить тут.

На камоде стоит фотография Дениса. Рядом еще одна. Школьный выпускной. Где-то на полке кубок по футболу. На холодильнике магнитики из разных городов. Обычная семья. Обычная квартира. Обычные родители. Которые очень любят своего сына. И очень по нему соскучились.

Что ж, пока Денис меня не обманул. Про квартиру родителей все совпадает и они выглядят добрыми и милыми людьми. По крайней мере встретили меня приемлемо. Плюс в его сторону.

— Может чем-то помочь?, — спохватываюсь я, когда воз-

вращаюсь из своих мыслей о Мельникове.

— Нет, не надо — отвечает Вера Николаевна. — Сиди. Сейчас уже поедем.

Я снова опускаю глаза в пол и сижу смиренно положив руки на колени.

Через несколько минут Андрей Петрович берёт ключи от машины. Вера Николаевна надевает лёгкую куртку. Нервно перебирает в сумочке в третий раз, осматривается по сторонам, вспоминая ничего ли она не забыла.

Андрей Петрович наблюдает за этим с легким раздражением. Вернее делает вид, что раздражен. Потому что по тому, как часто сам смотрит на часы, видно - волнуется не меньше. Просто скрывает лучше. Выглядят они мило.

— Вера, мы опоздаем только потому, что ты пять раз проверяешь одно и то же.

— А вдруг забыла?

— Что?

— Не знаю.

— Вот именно. У меня ключи от машины. Курица в духовке. Что еще надо?

Она смотрит сердито на мужа. Он впервые за вечер улыбается по-настоящему.

— Ну что? — говорит Вера Николаевна. — Поехали за нашим мальчиком.

И за все время, что нахожусь с ними, я вижу, как дрожит её улыбка. Совсем чуть-чуть.

Здесь я осознаю насколько страшно было не мне. А им. Потому что я ждала Дениса восемь месяцев. А они - три года.

Глава 5

Варя.

В машину я сажусь последней. И сразу понимаю, что не знаю, куда себя деть. Андрей Петрович за рулём. Вера Николаевна рядом. Мне остаётся заднее сиденье.

Я устраиваюсь с краю и крепче сжимаю ремешок сумки.

Господи. Зачем я вообще взяла сумку? Что я с ней делать собралась? Может, надо было купить цветы? Или торт? Или ещё что-нибудь? Люди вообще приезжают встречать мужчин из колонии с цветами? Или это выглядит странно? А если выглядит странно, то насколько?

Я нервно прокручиваю в голове десятки вариантов. И прихожу к выводу, что уже поздно. Надо было думать об этом еще вчера. Я пришла знакомиться с Мельниковыми и ничего с собой не принесла. Не до конца меня воспитали....

Машина плавно выезжает со двора. В салоне тихо. Очень тихо. Радио выключено. Никто не разговаривает. Только Вера Николаевна иногда смотрит в окно. А Андрей Петрович сосредоточенно ведет машину.

Я пытаюсь придумать хоть что-нибудь полезное. Может, предложить воду? Помочь с сумками? Сказать что-нибудь? Но всё кажется глупым.

Поэтому тоже молчу.

Ехать нам долго. И тишина немного давит. Но первой нарушать ее не решаюсь, да и что я могу сказать. Незнакомый человек.

Так проходит почти весь путь. Андрей Петрович и Вера Николаевна иногда перебрасываются короткими фразами, но не более. Я решаю смотреть в окно. Сидеть в телефоне нет желания и отвлекает.

И чем ближе мы подъезжаем, тем сильнее начинает колотиться сердце. Потому что через несколько минут это произойдет. По-настоящему. Не фотографии. Не сообщения. Не голосовые. Человек. Живой человек. Денис.

Через два с половиной часа изнурительной поездки наконец подъезжаем. У меня внутри всё неприятно сжимается.

Колония появляется неожиданно. Высокий серый забор. Вышки. Колючая проволока. Металлические ворота. Где-то лают собаки. По территории проходят люди в форме.

Почему-то именно сейчас особенно остро приходит понимание: он действительно сидел здесь. Почти три года. Каждое утро просыпался за этим забором. Каждый вечер ложился спать за этим забором. А я все время читала его сообщения на диване с кружкой чая. От этой мысли становится не по себе.

Выглядит все довольно жутко. Очень страшно. Такого я как-то совсем не ожидала. Все создает не гостеприимный антураж.

Мы выходим из машины. На улице прохладнее, чем я

ожидала. И я невольно запахиваю тонкую ветровку плотнее.

Вера Николаевна сразу начинает нервно поправлять рукава куртки. Андрей Петрович достаёт сигареты. Потом убирает обратно. Передумывает.

Мы ждём. Минут пять. Десять. Пятнадцать. Кажется, проходит целая вечность.

Я снова осматриваюсь. Все молчат. Мне почему-то неловко смотреть на охрану. Не представляю что они думают о нас. Для них ведь все кто там сидит это преступники, твари, заслуживающие наказания. И тут мы. Те кто ждет таких кто находится там.

Я стараюсь не смотреть на сотрудников колонии. Для них это обычное место работы. А для нас сегодняшний день особенный.

Потом на парковку въезжает ещё одна машина. Синий «Субару». Из неё выходят двое мужчин. Один высокий и широкоплечий. Второй чуть ниже.

Оба сразу направляются к Андрею Петровичу.

— Здравствуйте.

— Здорово.

Они жмут руки. Обнимаются по-мужски. Коротко. Без лишних слов.

Могу предположить, что видимо это друзья Дениса - Жора и Паша, что он говорил. Осматриваюсь еще - молодых девиц нет. Я здесь одна. Может его поклонницы еще не подъехали. Или все же я здесь действительно одна. Буду и дальше

на это надеяться. Еще одно очко Мельникову.

Возникает мысль, что если поклонницы и есть, то то как выглядят родители Дениса, вряд ли бы он устраивал перед ними такое шоу.

Но меня же пригласил.

Оба мужчины почти одновременно смотрят на меня. И сразу замолкают.

Отлично. Теперь еще и это.

Оба смотрят с одинаковым интересом. С недоумением. Словно пытаются понять, кто я такая.

Один из них первым переводит взгляд на Веру Николаевну.

— А это кто?

Вера Николаевна слегка улыбается.

— Варя.

И всё. Будто этого достаточно.

Но мужчинам явно недостаточно. Они снова смотрят на меня. Я чувствую себя школьницей, которую неожиданно вызвали к доске.

— Здравствуйте, — тихо говорю я.

— Здравствуйте.

— Привет.

Они кивают. Вежливо. Но взгляды никуда не исчезают.

Я продолжаю чувствовать себя экспонатом в музее.

Один даже слегка прищуривается. Будто вспоминает что-то. Видимо пытается вспомнить где меня видел. Но так и не

приходит ему ничего на ум.

От этой мысли становится ещё неуютнее.

Я отвожу взгляд. Делаю вид, что рассматриваю ворота. Но всё равно чувствую на себе их внимание.

Они переговариваются между собой. Шутят. Что-то обсуждают. Периодически смотрят в сторону администрации.

А я стою чуть в стороне. И всё сильнее ощущаю себя лишней. Словно случайно попала на чужой семейный праздник.

Один, что пониже вдруг подходит ближе к Андрею Петровичу и что-то тихо говорит. Оба одновременно смотрят на меня. Потом Андрей Петрович отвечает:

— Да.

И всё. Просто "да". Но после этого мужчины уже смотрят иначе. Не так удивлённо. Хотя интерес никуда не исчезает.

И что он такое у него спросил? Хочется исчезнуть с этого места. И долго мы еще будем здесь торчать? Не хочу быть выставочным экспонатом.

Я отворачиваюсь к воротам. Делаю вид, что внимательно рассматриваю забор. Колючую проволоку. Вышки. Да что угодно. Лишь бы не стоять под их взглядами.

Подъезжают еще несколько машин. Несколько женщин. Пожилой мужчина. Какая-то семья с ребенком. Все ждут. К нам не идут. Видимо тоже приехали встречать своего.

Мы снова ждём. Минуты тянутся медленно. Вера Николаевна нервничает всё заметнее. Один друг постоянно смотрит на часы. Другой ходит туда-сюда. А у меня сердце стучит

так громко, что кажется, его слышат все вокруг. Потому что сейчас откроются ворота. И я впервые увижу Дениса Мельникова не на фотографии. А рядом с собой.

Наконец открывается дверь. Кто-то выходит. Не он.

Потом ещё один человек. Снова не он.

Друг Мельникова матерится себе под нос. Другой опять смотрит на часы. Вера Николаевна сжимает пальцы так сильно, что костяшки белеют. А я начинаю дышать через раз.

Потом я вижу его. Даже раньше, чем понимаю это. Высокий. Широкие плечи. Тёмная куртка в руке. Спортивная сумка на плече. Короткие волосы. Лёгкая щетина. И какая-то совершенно спокойная походка. Будто он не выходит на свободу после почти трёх лет. Будто просто возвращается домой после работы.

На секунду мне становится трудно дышать. Потому что фотографии не передавали главного. Присутствия.

Денис выглядит старше. Жёстче. Сильнее. И гораздо реальнее.

Его друг, что выше, замечает его первым.

— Деня-я-я!

Голос разносится по всей площадке.

Другой тут же свистит.

— Мельников!

Денис поднимает голову. И впервые улыбается. По-настоящему. Широко. Так, что я сразу понимаю — вот этого на фотографиях тоже не было. Он улыбался, но не так. Да и что

можно рассмотреть в пикселях на странице контакта.

— Идиоты, — слышу даже отсюда. Немного хриплый, немного грубоватый. Совсем не такой, каким представляла.

Один друг уже идёт к нему навстречу. Потом почти переходит на бег. Они сталкиваются посреди площадки. Обнимаются. Другой хлопает Дениса по плечу так сильно, что тот едва не теряет равновесие. Все трое смеются. Громко. Искренне. Без всякой неловкости.

Я так и стою в стороне, подходит не решаюсь.

Потом подходит Андрей Петрович. И вот тут всё становится серьёзнее. Отец и сын просто обнимаются. Без слов. На несколько секунд.

Я отвожу взгляд. Потому что чувствую себя свидетелем чего-то слишком личного. Чего-то такого, что не предназначено для посторонних глаз.

Когда смотрю снова, Вера Николаевна уже плачет. Немного. Совсем чуть-чуть. Денис обнимает её осторожно. Наклоняется. Что-то говорит. Она смеётся сквозь слёзы. Бьёт его ладонью по плечу. Снова обнимает.

Это выглядит так трогательно, так нежно. Видно как они соскучились и как любят друг друга. У меня даже невольно скатывается одна слезинка и я быстро смахиваю ее с лица.

И внезапно понимаю, насколько здесь лишняя. У них семья. Друзья. История. Общие воспоминания. Общие боли. Общая жизнь.

А я... Я просто девушка из телефона. Из переписки. На-

верное.

Поэтому стою в стороне. Не двигаюсь. Не подхожу. Не мешаю.

В какой-то момент все разговоры стихают. Денис что-то отвечает одному другу, что выше. Потом смотрит на мать. На отца. На другого друга. И только после этого переводит взгляд дальше. На меня.

Я будто перестаю слышать всё вокруг. Не слышу собак. Не слышу машин. Потому что он смотрит. Просто смотрит. И больше ни на кого. Не отводя глаз. Несколько секунд. Наверное. Или вечность. Я сама не понимаю.

Потом делаю шаг вперёд. Ноги внезапно становятся ватными.

Господи. Что вообще говорят в таких ситуациях? Здравствуйте? С возвращением? Рада познакомиться? Все варианты кажутся ужасными.

Я подхожу ближе. Теперь нас разделяет всего несколько метров. И впервые вижу его глаза не на фотографии. Карие. Словно терпкий коньяк. И внимательные. Будто он тоже пытается понять, совпала ли я с тем образом, который жил у него в голове все эти месяцы.

Я нервно улыбаюсь. Потому что ничего другого сделать не могу.

Денис смотрит ещё секунду. Скользит взглядом по моему лицу. По волосам. По глазам. Потом уголок его губ дёргается вверх.

И в этот момент я понимаю, что узнала бы эту улыбку из тысячи других. Потому что передо мной наконец стоит не заключенный, а просто Денис. Мой Денис. Тот самый, который восемь месяцев спрашивал, поела ли я.

Наконец он произносит.

— Ну здравствуй, зайчона.

Глава 6

Варя

Я стою на кухне и зачем-то уже третий раз поправляю салфетки. Хотя они лежат идеально. Хотя никто кроме меня этого не замечает. Хотя всем сейчас вообще не до салфеток.

Из ванной шумит вода, так как он не до конца закрыл дверь, оставил щелку. Денис в душе. И от одной этой мысли внутри что-то странно переворачивается.

Он здесь. Не в телефоне. Не в переписке. Не в двухстах километрах. А буквально за стенкой.

Я до сих пор не могу привыкнуть.

Вера Николаевна ставит на стол очередную тарелку. Суетится. Улыбается. Периодически вытирает глаза уголком полотенца, думая, что никто не замечает. Замечают все. Но делаем вид, что нет.

Андрей Петрович уже замучил переключать телевизор. Пять секунд новости. Три секунды фильм. Две секунды футбол. Потом телевизор вообще выключается. Через минута включается снова. Никак не может выбрать канал и стоит ли

вообще включают его или оставить выключенным.

Я улыбаюсь. И снова начинаю переставлять салфетки. Господи. Соберись уже.

Перед глазами неожиданно всплывает дорога обратно. После освобождения. Наверное, самая неловкая поездка в моей жизни. Потому что Вера Николаевна буквально не отпускала сына. Села рядом с ним на заднее сиденье. Обнимала. Держала за руку. Гладила по плечу. По голове. По руке. Словно боялась, что он снова исчезнет. Несколько раз плакала. Тихо. Без истерики. Просто слёзы сами катились по щекам.

А Денис каждый раз её обнимал. Успокаивал. Что-то говорил. Шутил.

Я старалась смотреть в окно. Делать вид, что ничего не замечаю. Потому что чувствовала себя лишней. Снова. Постоянно.

Жора и Паша уехали. Сказали что заберут своих жен и подъедут к столу.

Переднее сиденье, рядом с Андреем Петровичем, оказалось свободным. Туда я и спряталась. Другого слова не подобрать. Спряталась. Смотрела на дорогу. На дома. На деревья. На машины. На всё подряд. Лишь бы никому не мешать. Лишь бы не думать о том, что Денис сидит прямо за моей спиной.

А потом я случайно подняла глаза на зеркало. И увидела его взгляд. Он смотрел на меня. Спокойно. Внимательно. Не

отводя глаз.

Я отвернулась. Через несколько минут снова посмотрела. И опять наткнулась на его взгляд. Будто он всё это время наблюдал. Изучал. Сравнивал. Не знаю. Но каждый раз внутри становилось жарко. До невозможности. Особенно когда понимала, что он даже не пытается скрываться. Словно имеет полное право смотреть. Словно я его давно интересую.

А сейчас он вообще находится за стеной. И от этого почему-то ещё хуже. Или лучше. Я пока не решила.

По дороге Андрей Петрович был бодр, что-то рассказывал Денису. И кажется совсем не замечал что его сын не сводит с меня глаз. Для Веры Николаевны тоже тогда существовал только сын. А я снова заливалась краской и неловкостью.

Вода в ванной перестаёт шуметь. И сердце вдруг начинает биться быстрее. Потому что Денис сейчас выйдет. И мне снова придётся смотреть ему в карие глаза.

Звонок в дверь раздаётся как спасение. Потому что последние минут десять я не знаю куда себя деть. То стою. То сажусь. То помогаю Вере Николаевне. То начинаю мешаться под ногами. К счастью, гости наконец приезжают.

Я чуть ли не бегу открывать. Лишь бы чем-нибудь себя занять.

Первым в квартиру буквально вваливается Жора.

— Ну что, именинник где?!

— Сам ты именинник, — доносится из комнаты голос Дениса.

Даже голос теперь действует на нервы. В хорошем смысле. Наверное.

Следом появляется сам Денис. Свежий после душа. Переодетый. В светлой футболке и джинсах. Волосы еще слегка влажные. На шее поблескивают капли воды.

Я быстро отвожу взгляд. Слишком быстро. Потому что Денис замечает. И, кажется, его это только веселит.

Следом в квартиру заходят еще гости - брюнетка. Невысокая, улыбчивая, очень живая. Потом Паша с женой. Сразу становится шумно. Громко. По-настоящему по-домашнему.

Все обнимаются. Смеются. Перебивают друг друга. Говорят одновременно.

Брюнетка первая замечает меня почти сразу. На секунду удивлённо моргает. Потом переводит взгляд на Дениса. Потом снова на меня. И я буквально вижу, как у неё в голове начинают крутиться шестеренки. Щелк. Щелк. Щелк. Картинка складывается.

Вторая делает примерно то же самое. Только менее эмоционально.

— Привет, — улыбается первая.

— Привет.

— Я Оксана.

— Варя.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

— А я Юля.

— Очень приятно познакомиться.

Так и знакомимся. Оксана - жена Жоры и вторая Юля - жена Паши.

Мы обмениваемся улыбками. Обе девушки приветливые. Но любопытство из них буквально лезет наружу. Они явно хотят спросить кто я такая. Особенно Оксана. Она уже раз десять посмотрела сначала на меня, потом на Дениса. Потом на Жору. И каждый раз делает вид, что это случайно. Юля хотя бы старается скрывать интерес. Оксана даже не пытается. Но пока держатся. За что я им благодарна.

Денис же никак меня не комментирует. Не объясняет. Вообще ничего не говорит. Просто держится слишком рядом, будто сейчас притянет за талию. Знакомит со всеми и продолжает с легкой улыбочкой прожигать меня.

И это замечаю не только я. Оксана тоже замечает. Юля замечает. Жора замечает. Даже Паша уже начал ухмыляться. А Денису будто все равно. Словно он вообще не понимает, как выглядит со стороны. Или наоборот прекрасно понимает. Что еще хуже.

Когда все проходят, я разворачиваюсь и едва не врезаюсь в него. Денис стоит слишком близко. Настолько, что я чувствую запах его геля для душа. И чего-то еще. Мужского. Теплого. Опасного.

Он чуть склоняет голову. Смотрит сверху вниз. А я внезапно понимаю, что снова начинаю краснеть.

— Все нормально, зайчона?, — говорит тихо, только для

меня.

Я нервно заправляю волосы за ухо.

— Да.

— Уверена?

Нет. Совершенно не уверена. Потому что от его взгляда становится душно, хочется подуть на челку. Потому что Денис улыбается. Потому что стоит слишком близко. Потому что я уже десять минут пытаюсь не смотреть на него. И потому что получается откровенно плохо. Но держусь. Я и так выгляжу ужасно. Наверное.

В слух говорю только:

— Конечно.

Все постепенно рассаживаются за стол. Мужчины открывают бутылки с игристым. Жора тут же пытается стащить котлету прямо с общего блюда и получает по руке от Оксаны.

— Ты ребенок?

— Я голодный.

— Ты ел час назад.

— Это было давно.

— Это было по дороге.

За столом смеются.

Вера Николаевна носится между кухней и комнатой. Андрей Петрович наконец начинает улыбаться. По-настоящему. Исчезает напряжение, которое держалось на его лице весь день. Сын дома. Вот он. Рядом. Живой. И этого оказывается достаточно.

Разговоры льются сами собой. Кто женился. Кто машину поменял. Кто переехал. Кто работу сменил. Кто ребёнка ждёт.

Потом начинают рассказывать Денису городские новости. Какие-то смешные истории. Сплетни. Знакомых. Кто развелся. Кто спился. Кто наоборот разбогател.

Я слушаю вполуха. Потому что почти никого не знаю, а если и знаю то только по рассказам Дениса. И снова чувствую себя лишней. словно смотрю чужой семейный фильм. Все понимают шутки. Все помнят истории. Все связаны друг с другом десятками воспоминаний. А я нет.

Поэтому просто наблюдаю. За Верой Николаевной. Которая не может налюбоваться сыном. За Андреем Петровичем. Который пытается делать вид, что абсолютно спокоен. За Жорой. Который разговаривает громче всех. За Оксаной. Которая постоянно его одёргивает. За Юлей. Которая тихо улыбается и наблюдает за всеми. И за Денисом.

Особенно за Денисом. Потому что впервые вижу его не через экран телефона. Вижу как он смеётся. Как щурится. Как хмурится. Как разговаривает. Как двигается. Как качает головой. Как ест. Глупость какая-то. Но даже это интересно.

Он сидит развалившись на стуле. Одной рукой держит вилку. Другой крутит стакан. Иногда улыбается. Иногда отвечает коротко. Иногда матерится. Вера Николаевна тут же делает замечание. Денис смеётся. И становится каким-то совсем живым. Настоящим. Не тем человеком из переписки.

А я неожиданно улыбаюсь вместе со всеми. Потому что именно таким я его еще не видела. Просто мужчиной, который вернулся домой.

И чем дольше смотрю, тем сильнее понимаю, насколько фотографии ввали. Не специально. Просто фотография вообще не умеет передавать человека целиком. На снимках Денис казался симпатичным. В жизни - совсем другим. Крупнее. Шире. Надежнее что ли. Не знаю, как правильно объяснить. Он высокий. Выше, чем я представляла. Широкоплечий. Футболка обтягивает руки и грудь так, что сразу становится понятно - в спортзал он ходил не для красивых фотографий. На правой руке выступают вены. Ладони большие. Мужские. Лицо жестче, чем на фотографиях. Скулы резче. Даже морщинки возле глаз заметнее. И взгляд... Господи, фотографии вообще не передавали его взгляда. Карие глаза казались обычными. А сейчас в них было что-то такое, от чего мне постоянно хотелось смотреть снова. И снова.

Я замечаю небольшую светлую полосу возле виска. То ли шрам. То ли след от какой-то давней ссадины. Интересно, откуда?

Потом ловлю себя на том, что уже несколько минут бесстыдно рассматриваю мужчину. И быстро опускаю взгляд в тарелку. Потому что хорошие воспитанные девушки так себя не ведут. Особенно если мужчина замечает абсолютно все. А Денис замечает. Я уверена.

Я обращаю внимание как Денис ест - очень быстро, съе-

дая все до крошки. Тарелка пустеет буквально за несколько минут. Вера Николаевна как заботливая мама постоянно ему что-то подкладывает. Пытаясь накормить за все три года. И Денис это все поглощает. Начинаю даже переживать - куда так торопиться, так ведь и плохо может стать.

И вдруг я понимаю одну странную вещь. Он почти всё время смотрит на меня. Не постоянно. Но слишком часто.

Я ловлю этот взгляд один раз. Потом второй. Потом третий. Сначала думаю, что показалось. Потом понимаю — нет. Не показалось. Каждый раз, когда поднимаю голову, Денис уже смотрит. Спокойно. Внимательно. Не прячется. Будто тоже наблюдает. Изучает. Сравнивает. Словно тоже пытается совместить девушку из переписки и ту, что сидит сейчас напротив. И от этого почему-то становится жарко.

Я опускаю глаза в тарелку. Пытаюсь сосредоточиться на разговоре. На еде. На чём угодно. Но всё равно чувствую этот взгляд. Словно он никуда не исчезает.

В какой-то момент я тянусь за стаканом. И снова поднимаю глаза. Денис смотрит. Опять. На этот раз наши взгляды сталкиваются. И никто не отворачивается сразу. Уголок его губ едва заметно дергается вверх. И внутри все предательски замирает.

И самое ужасное... Мне совсем не хочется, чтобы он перестал смотреть. Наоборот. Кажется, я начинаю ждать этого взгляда. Снова и снова.

Глава 7

Варя

Очень быстро становится понятно, что сидеть за столом и участвовать в разговорах я не умею. Поэтому начинаю помогать. Сначала отношу на кухню пустые тарелки. Потом приношу салат. Потом нарезаю хлеб. Потом нахожу ещё какое-то блюдо в холодильнике. Потом снова собираю грязную посуду.

Никто особо внимания на меня не обращает. Все заняты разговорами между собой. На самом деле мне просто некуда себя деть. За столом все свои. А я нет. Поэтому гораздо проще что-нибудь носить. Резать. Раскладывать. Быть полезной.

На кухне хотя бы не нужно постоянно думать куда смотреть. И особенно не нужно думать о том, что Денис продолжает периодически на меня смотреть.

Я как раз режу помидоры для очередной тарелки, когда замечаю в окне отражение. Балконная дверь приоткрыта. Денис стоит на балконе. Курит. Одной рукой опирается о перила. О чём-то думает.

Потом вдруг коротко кашляет. Ещё раз. Негромко. Будто привычно.

Слышу это уже не первый раз. Прежде, чем уехать с территории колонии, он с Андреем Петровичем покурили и Денис тоже так коротко кашлянул. Потом дома еще раз. И вот сейчас опять. Невольно в голову приходит мысль когда Денис рассказывал про постоянные простуды. Температура. Пнев-

монии. В особо тяжелые периоды он мне не писал - просто не было сил. Там ведь правда е санаторий. Сырая камера. Зима. Сквозняки. Постоянная сырость. И почему-то становится не по себе.

Денис тушит сигарету. Несколько секунд стоит неподвижно. Потом возвращается в квартиру.

Я снова смотрю на разделочную доску. Режу дальше. Спокойно. Совершенно спокойно. По крайней мере пытаюсь.

За спиной раздаются шаги. Я думаю, что это Вера Николаевна. И поэтому даже не оборачиваюсь.

А потом рядом появляется мужская рука. Прямо передо мной. Спокойно берёт кусочек огурца с тарелки.

Я вздрагиваю так сильно, что едва не роняю нож.

— Господи.

Сердце моментально подпрыгивает куда-то к горлу.

— Тихо, зайчона., — Голос низкий. С лёгкой усмешкой. Совсем рядом. Прямо возле виска, волос. Слишком рядом.

Я чувствую запах табака. Свежего воздуха. И мужского парфюма.

И правда тушуюсь как испуганный зайчик.

— Ты меня напугал.

— Не хотел.

По голосу понятно, что именно этого он и хотел.

Я наконец поворачиваюсь. И тут же жалею об этом. Потому что Денис стоит почти вплотную. Ближе, чем за весь сегодняшний день. Намного ближе. Смотрит сверху вниз. Спо-

койно. Внимательно. С лёгкой улыбкой.

А я почему-то перестаю понимать куда деть руки. И вообще себя.

Он скользит по моему лицу. По волосам. И вдруг чуть склоняет голову. словно к чему-то прислушивается. И на секунду становится ещё ближе. Совсем немного. Но мне хватает. Потому что в следующий момент я понимаю. Он почувствовал мои духи. Господи. Щеки моментально начинают гореть.

Я резко отворачиваюсь к столу. Берусь за блюдо. И, конечно же, едва не роняю его.

— Ой!

Но оно даже не успевает накрениться. Потому что Денис ловко перехватывает тарелку раньше. Его ладонь оказывается поверх моей. Всего на секунду. Но этого почему-то достаточно.

Я поднимаю глаза. Он смотрит на меня. Совсем не так, как смотрят друзья. Или знакомые. Или люди из переписки. Я смотрю на него. И несколько бесконечных секунд никто не говорит ни слова. У меня внутри что-то предательски переворачивается.

— Аккуратнее, зайчона, — улыбается.

Где-то в комнате смеётся Жора. Что-то рассказывает Оксана. Звенят приборы. Жизнь продолжается. А мы просто стоим посреди кухни. Слишком близко. Слишком странно. Слишком...

Его ладонь все еще лежит поверх моей. Я почему-то не спешу ее убирать. И он тоже.

Денис переводит взгляд на мои губы. И обратно. У меня моментально пересыхает во рту.

Он ведь...

Денис делает едва заметный шаг. Я чувствую его дыхание. Запах табака. Улицы. И чего-то еще - такого знакомого, что за сегодняшний день уже успело начать сводить меня с ума.

Он смотрит мне в глаза еще секунду. А я почему-то стою на месте. Денис наклоняется. сердце начинает колотиться где-то в горле. Я даже вдохнуть нормально не могу. И его губы наконец касаются моих. Всего мгновение, но этого хватает, чтобы по телу прокатилась горячая волна. Я невольно подаюсь навстречу. Поцелуй становится глубже. Чувствую влажность на губах. Ровно столько, чтобы забыть, где мы находимся. И кто находится за стеной.

— Варя!, — Голос Веры Николаевны действует как спасательный круг. Я моментально прихожу в себя. Щеки вспыхивают так, будто меня поймали на месте преступления.

— Да!, — голос звучит совершенно не моим.

— Неси уже салат.

— Сейчас.

Забираю блюдо. Почти сбегая на кухню. Точнее из кухни. Ставлю тарелку на стол. Сажусь на своё место. И только теперь понимаю, что щёки буквально горят.

Господи. Просто прекрасно.

Я опускаю взгляд в тарелку. Пытаюсь успокоиться. Сосредоточиться на разговоре. На еде. На чём угодно.

Через минуту на своё место возвращается Денис. Садится напротив. Откидывается на спинку стула. Берёт стакан. Что-то отвечает Паше, смеется над какой-то шуткой. И снова начинает смотреть на меня. Спокойно. С лёгкой улыбкой. Будто прекрасно знает причину моего состояния. И, кажется, его это очень забавляет. А я не знаю куда себя деть. Губы до сих пор пылают. Смущение накрывает, что и головы поднять не могу. Так и сижу уставившись в тарелку.

В какой-то момент я понимаю, что пора уходить. Часы на кухне показывают начало восьмого. Жора уже заметно ослабился. Паша тоже. Оксана о чём-то спорит с Верой Николаевной. Мужчины обсуждают футбол, машины и ещё что-то очень мужское.

А я вдруг понимаю, что задержалась. Слишком.

— Мне, наверное, пора.. — говорю очень осторожно.

Разговор за столом на секунду затихает.

— Уже? — спрашивает Вера Николаевна.

— Поздно уже.

— Да какое поздно.

— Мне завтра на работу.

Жора тут же поднимает руку.

— Всё. Поехали. Подвезу.

Я едва успеваю открыть рот.

— Сиди., — Оксана даже не повышает голос. Просто

смотрит на мужа. Жора послушно опускается обратно на стул.

— А что?

— Ты пил.

За столом смеются.

— Ничего, я уже такси вызвала, — говорю.

И почему-то замечаю другое. Будто все немного расслабляются. Не потому что рады моему уходу. Нет. Просто... Я всё-таки гость. Хорошо принятый. Возможно желанный. Но гость.

А сейчас вечер подходит к концу. И скоро останутся только свои. Родители. Друзья. Семья. Разговоры, которые ведут без посторонних. Я это прекрасно понимаю. И совсем не обижаюсь. Сама бы чувствовала то же самое на их месте.

— Я провожу., — Голос Дениса звучит спокойно. Он уже поднимается из-за стола.

— Да я сама., — пытаюсь его остановить. Не стоит утруждаться, он может остаться со всеми остальными.

— Пошли., — так же спокойно отвечает на мою попытку. И почему-то спорить не хочется.

Мы выходим в подъезд. Дверь квартиры закрывается за нашими спинами. Сразу становится тихо. Только гул лифта где-то наверху. А больше ничего.

И мы. Вдвоём.

Я вдруг начинаю нервничать. Странно. За восемь месяцев переписки я рассказывала этому мужчине вещи, которые не

рассказывала некоторым подругам. Он знает, как я плачу после тяжелых дней. Как переживаю за учеников. Как ругаюсь на отчеты. Как боюсь разочаровать близких. Но сейчас стою рядом и не знаю, куда деть руки.

Признаться честно, за весь вечер мы толком с ним не поговорили. Не считая кухни. Да вообще не разговаривали. Так только поприветствовали друг друга. Все ограничилось лишь гляделками, да короткими диалогами за общим столом. Вокруг были друзья, родители и было бы как-то странно отходить вдвоем в сторонку. Да и зачем? Не такие уж мы и близкие люди. Просто... Просто Денис и Варя.

Что я хотела сегодня? Да ничего особенно. Ни на что я не рассчитывала. Ни о чем не думала. Ничего не представляла. Мне просто хотелось его увидеть, порадоваться тому что он вернулся домой. Вот и все.

Денис прислоняется плечом к стене. Смотрит на меня. Не торопится говорить. Потом усмехается.

— Неловко?

— Немного.

— Мне тоже.

— Правда?, — я удивленно поднимаю голову.

— Неожиданно, да?

Я улыбаюсь. И напряжение становится чуть меньше.

Во двор въезжает машина такси. Жёлтые фары скользят по стенам подъезда.

— За мной.

— Вижу.

Я делаю шаг к двери. И слышу:

— Варя.

Останавливаюсь. Поднимаю глаза. Денис несколько секунд молчит. Будто подбирает слова. И впервые за весь вечер выглядит абсолютно серьезным. Без привычного легкого тона. Просто мужчина. Уставший. Немного потерянный. И очень настоящий. А потом говорит совсем тихо:

— Спасибо.

— За что?

— За сегодня.

Я улыбаюсь.

— Пожалуйста.

Он качает головой.

— Не только за сегодня.

И я сразу понимаю. Сейчас он говорит не про встречу. Не про ужин. Не про дорогу. Про всё. Про эти месяцы. Про сообщения. Про письма. Про передачи. Про ожидание.

— Денис...

Он перебивает.

— Нет, серьёзно.

Впервые за весь вечер исчезает привычная усмешка. Остаётся только другой Денис. Тот, который сидел почти три года. Тот, которому было страшно. Одиноко. Плохо. Тот, о котором он почти не рассказывал.

— Спасибо, что писала.

У меня что-то сжимается внутри.

— Это же просто сообщения.

Он тихо усмехается.

— Нет, зайчона., — Пауза. — Там это не просто сообщения.

Я молчу. Потому что вдруг не знаю, что сказать. А он продолжает смотреть мне в глаза. Спокойно. Прямо.

Для меня это были сообщения. Для него - часть жизни. Часть нормального мира. Напоминание, что за забором все еще есть люди.

— Это было очень важно.

Мы стоим друг напротив друга. И я впервые замечаю, насколько он устал. Не физически. Глубже.

Мне вдруг становится невыносимо жалко его. Не как заключенного. Не как человека из колонии. Просто как Дениса. Мужчину, который сейчас смотрит на меня так, будто действительно рад, что я приехала.

И почему-то именно сейчас, на лестничной площадке старой пятиэтажки, среди облупившейся краски и тусклого света, я впервые понимаю, насколько сильно ждала этой встречи не только я. Кажется Денис ждал ее ничуть не меньше. А может и больше.

Глава 8

Варя.

Неделя проходит удивительно быстро. И удивительно

медленно. Работа. Дом. «Росток». Отчёты. Родители. Дети.
Обычная жизнь. Та самая, которой я жила до Дениса.
Только теперь что-то не так.

Я замечаю это в среду. Когда автоматически достаю телефон во время обеда. Открываю сообщения. И только через несколько секунд понимаю, что смотреть там нечего.

Потому что Денис не писал. Ни вчера. Ни сегодня. Вообще.

С момента того ужина у родителей прошла почти неделя. И тишина.

Нет, он не пропал. Иногда появляется в сети. Наверняка занят. Наверняка разбирается с документами. Работой. Другими. Родителями. Жизнью. В конце концов человек только вышел из тюрьмы.

Мир не должен крутиться вокруг меня. Я это прекрасно понимаю. Правда понимаю. Но привычка оказывается сильнее здравого смысла.

— Варя.

Я поднимаю голову. Ира стоит в дверях кабинета.

— Ты сейчас дырку в телефоне прожжёшь.

— Не прожгу.

— Уверена?

— Да.

— Тогда почему смотришь на него каждые пять минут?

Я сразу кладу телефон экраном вниз.

— Не смотрю.

Она проходит внутрь. Садится напротив.

— Что, «благочестивый» не пишет?

Я делаю вид, что заполняю журнал.

— Кто?

— Господи, Литвинова.

Я вздыхаю.

— Нет.

— И давно?

— Неделю.

Ира молчит.

— Да ты что! И что такого случилось?, — удивленно припадает Ира ближе ко мне.

Я молчу. О том что Денис уже вышел и тем более что я его встречала я девочкам не говорила.

— Ох, Варенька, — Ира тут же приступает меня обнимать и поглаживать. — Не переживай девочка. Он тебе ничего плохого не писал?, — отрицательно кая головой. Мельников ведь правда ничего плохого не писал.— Вот и хорошо. Вот и отлично. Давно пора было завзывать с этим. Ты ведь такая замечательная. На кой черт тебе сдался этот зек? Ну что мужиков что ли больше нет? А я ведь говорила что все этим и закончится. Что они все козлы. И это было ожидаемо что он тебя кинет. Вот козлиная. Хорошо, что все так закончилось на таком этапе. Ты же не влюбилась в него?, — я выпучиваю глаза. — Сегодня же пойдем куда-нибудь и познакомим тебя с нормальным мужиком.

Я молчу, не зная что сказать. Мне и смешно и плакать хочется. Ира продолжает меня утешать думая, что Денис меня кинул сидя в тюрьме. А ведь на самом деле это не так. Какие же все же у меня хорошие подруги.

И никакой он мне не мужик. И других не надо. И не влюбилась я в него. Но доля правды в ее словах есть. Денис действительно мне больше не пишет. Вышел на свободу и теперь во мне больше нет нужды? Ужасно отвратительное чувство. Гадкое и мерзкое. Чувствую себя использованной.

А что чувствую? Хороший вопрос. Потому что я сама не знаю. Обида? Нет. Он ничего мне не обещал. Мы не встречались. Мы даже ни разу не говорили о том, что будет дальше. Разочарование? Наверное. Немного. Скучаю?

Я закусываю губу. И понимаю, что именно это слово подходит больше всего. Скучаю. По сообщениям. По его дурацкому "Жива, зайчона?" По привычке рассказывать ему про день. По ощущению, что где-то есть человек, который обязательно напишет вечером.

— Варя?

— Что?

— Ты влюбилась?

Я чуть не роняю ручку.

— Нет.

Смотрю в окно. На детскую площадку возле центра. На качели. На мам с колясками. На обычную жизнь. И впервые за эту неделю честно признаюсь самой себе. Наверное, Ира

права в одном. Я действительно привыкла к Денису. А теперь то, что было между нами почти год, закончилось. Потому что раньше нас связывала переписка. Каждый день. Каждый вечер. Каждое утро. А теперь он на свободе. И у него появилась настоящая жизнь. Уже без меня.

Только вот я почему-то не думала, что мне будет настолько не хватать места в ней.

Раньше я знала свое место. Пусть странное. Пусть непонятное, но знала. Я была человеком, которому Денис писал каждый день. А теперь вдруг перестала понимать, кто я для него вообще. Подруга? Случайная знакомая? Эпизод из тюремной жизни, который больше не нужен?

Телефон лежит рядом. Молчит. И почему-то именно сейчас мне сильнее всего хочется увидеть на экране одно короткое сообщение.

В обед мы занимаем свой привычный столик в маленьком кафе через дорогу от центра.

Я сижу с салатом. Ира с кофе. Катя с пирожным. Потому что кто-то должен жить счастливо.

— Так, — говорит Катя. — У меня новости.

— Нет., — спокойно парирует ей Ира.

— Ты даже не знаешь какие.

— Всё равно нет.

— Какая ты токсичная.

Я улыбаюсь и делаю глоток чая. Настроение какое-то странное. Уже несколько дней странное.

Ира смотрит на меня поверх кружки. Слишком внимательно. Мне это не нравится.

Катя после рассказа про свои «новости», тоже замечает мое состояние.

— Так рассказывай.

Я хмурюсь.

— Что рассказывать?

— Например, почему ты последние дни ходишь как потерянная.

Я ковыряю вилкой салат. Потом вздыхаю. Потом ещё раз вздыхаю. И понимаю, что они всё равно не отстанут. Ира и так уже в курсе, что наша переписка с Денисом закончилась. Молчит, ждет от меня пояснений.

— Я ездила его встречать.

Повисает тишина. Катя медленно откладывает вилку. Ира перестаёт пить кофе. Обе смотрят на меня.

— Что? — осторожно уточняет Катя.

— Я ездила встречать Дениса.

— Куда?

— Из колонии.

— Варя!

На нас оборачиваются люди за соседним столиком. Катя тут же понижает голос.

— Ты серьёзно?!

— Да.

— Ты реально поехала встречать мужчину из тюрьмы?

— Катя...

— Господи.

Ира закрывает глаза. Потом медленно выдыхает. Очень медленно. Так, будто пытается не начать ругаться.

— Варя.

Это уже опасный тон.

— Что?

— Ты вообще нормальная?

— Ира!

— Нет, я серьёзно спрашиваю. И как тебе только диплом дали? Ты же с детьми работаешь!

— Всё прошло нормально.

— Конечно прошло нормально., — Она всплещивает руками. — А если бы нет? Ты одна поехала к мужчине, которого никогда не видела вживую!

— Там были его родители. Очень хорошие люди между прочим. И друзья были.

— Тоже уголовники?

— Почему сразу уголовники? Нет. простые семейные пары. Нормальные люди, как мы с вами.

Катя качает головой.

— Я в шоке.

— Спасибо за поддержку.

— Не за что.

Ира смотрит на меня ещё несколько секунд. Потом неожиданно спрашивает:

— И?

— Что и?

— Какой он?

Я невольно улыбаюсь. Совсем чуть-чуть.

— Нормальный.

— О нет., — Катя стонет. — Она улыбается. Всё плохо.

— Очень плохо, — подтверждает Ира.

Я закатываю глаза.

— Да прекратите.

— Не прекратим. Варя мы переживаем и не хотим для тебя плохого.

— Он тебе понравился?, — интересуется Катя.

Я молчу. Потому что если честно, то да. Денис мне понравился.

Катя тут же тычет пальцем.

— Молчит! Значит понравился!

— Господи..., — бросаю вилку на стол.

— Нет, я отказываюсь что либо понимать, — говорит Ира.

— Ну, и когда свадьба?

— Какая свадьба?, — недоумеваю я.

— Разве твой уголовник не встал на колени прямо у ворот и не попросил твой руки?

— Ира, что за чушь?

— Какая чушь? Я-то думала она переживает, что он ее наконец кинул и теперь все наладится, а она оказывается встречать его ездила! Просто замечательно! Ну и? Что теперь? То

есть он все же кинул тебя?

И вот тут улыбка медленно сползает с моего лица. Катя замечает это первой.

— Так. Что значит кинул? Он тебе больше не пишет?

Я отвожу взгляд. Этого оказывается достаточно.

— Господи..., — На этот раз уже Ира. — Сколько?

— Неделю.

— Неделю?! То есть с того момента как вышел?

Катя округляет глаза.

— Совсем?

— Совсем.

— Ни сообщения?

— Нет.

— Ни звонка?

— Нет.

— Ни "привет"?

— Нет.

Ира откидывается на спинку стула. Победно. Совершенно не радуясь своей победе.

— Вот.

Я молчу.

— Вот именно это мы и пытались тебе объяснить.

— Ир...

— Нет, Варя., — говорит спокойно. — Мы же говорили.

— Он только вышел. У него дела.

— Даже не смей его оправдывать. Там у него вагон вре-

мении было, вот и строчил тебе письмеца. А тут воля вольная столько девок гуляют.

— Дурак только, что нашу такую чудную Варю отпустил..

— поддакивает Катя.

— Что говорит о его интеллекте. Ну это и к лучшему., — продолжает холодно Ира.

Я поджимаю губы.

— Ты специально?

— Нет., — Она качает головой. — Я просто не хочу, чтобы тебе было больно.

Куда уж больнее. Мне и так уже нестерпимо паршиво. Если до этого я просто огорчалась, то после «поддержки» подруг настроение совсем упало.

Катя неожиданно становится серьёзной.

— Мы правда переживаем.

— Знаю.

— Варь.

Я поднимаю глаза.

— А если он просто получил то, что хотел?

Внутри неприятно кольнуло.

— Что хотел?

— Поддержку. Общение. Передачи.

Я сразу напрягаюсь.

— Катя.

— Что? Такое бывает.

— Денис не такой.

— Откуда ты знаешь?

И вот этот вопрос почему-то бьёт сильнее остальных. Потому что ответа у меня нет.

Я знаю Дениса по сообщениям. По фотографиям. По голосовым. По переписке длиной почти в год. Но правда в том, что я до сих пор почти ничего не знаю о том человеке, который вышел из ворот тюрьмы неделю назад. И именно это пугает меня больше всего.

Потому что вдруг они правы. Вдруг это действительно конец. А я просто не хочу себе в этом признаться.

К концу рабочего дня настроение окончательно портится. Не потому что случилось что-то плохое. Наоборот. Слишком ничего. Телефон молчит. Сообщений нет.

Я уже почти перестала на него смотреть. Почти. Поэтому, когда возле центра останавливается знакомая машина, я даже рада отвлечься.

Окно опускается. Иван Орехин улыбается.

— Варвара Сергеевна.

— Иван Александрович.

— Домой?

— Пытаюсь.

— Получается?

— Пока не очень.

Он смотрит на мои пакеты. На папку под мышкой. На моё лицо.

— Выглядите так, будто готовы кого-нибудь укусить.

— Очень может быть.

— Тогда садитесь. Спасём мир от лишних жертв.

Я смеюсь. И через пару минут уже устраиваюсь на пассажирском сиденье.

В машине приятно пахнет кофе. И чем-то древесным.

Дорога какое-то время проходит в молчании. Спокойном. Удобном. Иван вообще умеет молчать так, что рядом не становится неловко.

— Варя.

— М-м?

— В субботу заняты?

Я настораживаюсь.

— Смотря для чего.

Он усмехается. Сразу понял.

— Не пугайтесь. Это не свидание.

— Конечно.

— Правда.

Я поворачиваюсь к нему.

— Тогда что?

— Мне нужно съездить в один детский центр за городом.

— Зачем?

— Отец хочет сотрудничество обсудить. И мне нужен человек, который понимает, о чём вообще говорить с педагогами.

— А вы не понимаете?

— Не настолько, чтобы не опозориться.

Я невольно улыбаюсь.

— И поэтому вы решили взять меня?

— Именно.

— Очень хитро.

— Спасибо.

— Это не был комплимент.

— Всё равно приятно.

Я качаю головой. Иван коротко смеётся. Потом уже серьёзнее добавляет:

— Если не хотите — откажитесь. Без обид.

И почему-то именно это подкупает. Не давит. Не настаивает. Не придумывает поводов. Просто предлагает.

— Я подумаю.

— Отлично.

— Это ещё не согласие.

— Но уже не отказ.

Я закатываю глаза.

— Вы невозможны.

— Мне говорили.

Он сворачивает к моему двору.

Машина плавно останавливается возле подъезда.

Я собираюсь выйти. Но Иван вдруг говорит:

— Варя.

— Да?

— Можно один совет?

— Попробуйте.

— Не ждите людей, которые не хотят, чтобы их ждали.

Улыбка медленно исчезает с моего лица. Сердце неприятно дёргается. Слишком близко. Слишком точно. Будто он случайно попал в больное место.

Иван явно замечает это. Но тему не развивает.

— Хорошего вечера.

Я выхожу из машины. Закрываю дверь. И ещё несколько секунд стою возле подъезда.

Потому что неожиданно хочется достать телефон. Проверить сообщения. И убедиться, что там по-прежнему пусто.

В груди неприятно тянет. Глупо. Там нет даже дурацкого рекламного спама.

Мне двадцать шесть лет. У меня работа. Семья. Друзья. Нормальная взрослая жизнь. Я не должна стоять посреди двора и расстраиваться из-за того, что какой-то мужчина мне не написал. Тем более мужчина, который ничего мне не обещал.

Я поднимаюсь по ступенькам подъезда. На четвертом этаже телефон внезапно вибрирует. Сердце делает такой скачок, что я едва не роняю сумку.

Денис. Наверное. Обязательно Денис.

Я хватаюсь за телефон. Смотрю на экран.

«Ваш заказ готов к выдаче»

Несколько секунд просто стою на лестнице. Потом нервно смеюсь. Потому что, кажется, я окончательно сошла с ума.

Глава 9

Денис

Дождь барабанит по лобовому стеклу. Мелкий. Противный. Такой, который может идти целый день и весь день портить настроение.

Я курю, приоткрыв окно отцовской «Лады», и смотрю на мокрую парковку возле торгового центра.

Затягиваюсь. Сразу закашливаюсь. Твою мать. Ненавижу эту привычку. Курить я начал там. До колонии вообще сигареты не переносил. А потом как-то незаметно втянулся. Сначала одну. Потом две. Потом пачку. Когда вокруг каждый второй дымит, сложно остаться правильным мальчиком.

Усмехаюсь своим мыслям. Правильный мальчик. Ну да. Конечно.

Таксист из меня пока так себе. Но деньги нужны. Да и дома сидеть не вариант.

Вообще много чего теперь не вариант.

Я стряхиваю пепел в окно и смотрю на телефон. Пусто. Хорошо. Так даже лучше.

После освобождения прошло почти две недели. Две очень странные недели. Первую прожил как придурок.

После освобождения меня словно с цепи сорвало. Неделю. Целую мать её неделю. Уходил в полный отрыв. Я пил. Гулял. Таскался по барам. По каким-то бабам. По друзьям. По знакомым. Спал черт знает где и черт знает с кем. Снова пил. Будто пытался наверстать всё, что отобрали за три года.

Свобода ударила в голову сильнее любого алкоголя.

Первые дни вообще плохо помню. Лица. Квартиры. Бары. Смех. Музыка. Чужие женщины. Какая-то бесконечная суета.

Потом как-то утром посмотрел на себя в зеркало и понял, что выгляжу как мудак. Тридцать лет мужику. Из тюрьмы вышел. И ведет себя как восемнадцатилетний дебил после выпускного. Последней каплей стал отец. В какой-то момент уже он рывкнул, когда сидели на кухне и я открывал третью бутылку пива.

— Долго это еще будет длиться? Заканчивай.

Я тогда естественно огрызнулся. Он тоже. Потом чуть не сцепились. Как два идиота. Мамка крутилась вокруг, причитала, упокаивала.

Только что я могу поделаться? Я же не ангелочком домой вернулся. За три года характер не улучшился. Скорее наоборот. Очерствел. Огрубел. Иногда сам замечаю, что разговариваю как последний козел. А по-другому уже не получается. Привык постоянно защищаться. Оправдываться. Отстаивать свое.

А потом ночью лежал и думал. И понял, что отец прав. Хватит. Всё. Кончился праздник. Тюрьма закончилась. Теперь начинается жизнь. Только вот как именно жить - никто не объяснил.

И она почему-то оказалась куда сложнее. Потому что в колонии всё понятно. Подъем. Проверка. Работа. Отбой. Каж-

дый день одинаковый. Каждый день борьба. Там хотя бы правила понятны. Тупые. Но понятные.

А здесь... Свобода. И хрен знает, что с ней делать.

На воле все оказалось каким-то чужим. Будто я отсутствовал не три года, а тридцать. Какие-то новые приложения. Какие-то новые правила. Новые рожи. Даже разговаривают люди как-то по-другому.

Я усмехаюсь и тушу окурок в банке из-под энергетика. Работу искать надо. Везде одно и то же. Сначала улыбаются. Потом слышат про судимость. Потом обещают перезвонить. И исчезают. Жора обещал помочь. Пашка тоже. Больше всех старается. Да и отец кого-то дергал. Только пока дальше обещаний дело не пошло. Да и я сам не особо рвался. Сначала привыкал. Потом отходил. Потом бухал. Теперь вот такую на отцовской машине.

Отец ворчал. Но ключи дал. Наверное потому, что видел. Мне тяжело. Очень.

Я этого никому не говорю. Но тяжело.словно весь мир успел уйти вперёд. А я остался где-то там. В две тысячи двадцать третьем.

Многие знакомые отвернулись. Некоторые даже не позволили. Некоторые сделали вид, что не заметили моего возвращения. Нормально. Я и не ждал. Люди не любят бывших зэков. Я бы, наверное, тоже не любил.

До посадки со мной бухали. За руку здоровались. Звали на шашлыки. Теперь смотрят как на прокаженного. Глаза все

равно бегают. Будто я сейчас ложку со стола украду. Или морду кому-нибудь набью. Я выпускаю дым в приоткрытое окно. Плевать. Хотя нет. Не плевать. Если честно - обидно.

Пытаюсь привыкнуть к жизни. Получается хреново. Пла-на нет. Цели тоже нет. Понимания тоже нет.

Есть только ощущение, что я везде лишний. Будто все уже давно живут дальше. А я только пытаюсь догнать поезд, который ушел три года назад.

Дома еще хуже. Я люблю родителей. Правда люблю. Они меня вытянули. Передачи таскали. По свиданкам мотались. Письма писали. Мать вообще, наверное, все три года нормально не спала.

Только жить с ними снова оказалось неожиданно тяжело. Я съехал от родителей еще на последнем курсе. Потом была Марина. Своя квартира. Своя жизнь. Свой привычки. А теперь снова живу в своей старой комнате. С теми же обоями. С тем же шкафом. Будто время откатилось назад. Только мне уже не двадцать. И я давно не тот парень.

Мать вокруг крутится постоянно. Поел? Замерз? Почему кашляешь? Куда поехал? Когда вернешься? Иногда хочется рывкнуть. И пару раз уже рывкал. Потом сам же жалел. Она ведь не виновата. Просто боится. Будто отвернется на секунду, а я опять исчезну на три года.

Отец тоже изменился. Стал молчаливее. Жестче. Или это я изменился. Хрен разберешь. Мы постоянно друг друга цепляем. Он что-то говорит. Я огрызаюсь. Потом оба сидим

злые. Как два барана. А вечером мать бежит между нами и делает вид, что все нормально. Будто мы обычная семья. Будто ничего не произошло. Будто не было суда. Не было колонии. Не было этих трех лет. Только ни у кого не получается. У них появился другой сын. А у меня появились другие родители. Любимые. Родные. Но какие-то чужие одновременно.

Иногда ловлю себя на мысли, что специально подольше катаюсь по городу. Лишний заказ беру. Лишний круг делаю. Лишь бы домой не ехать. Потому что дома на меня смотрят. С сочувствием. С тревогой. С надеждой. А я уже задыхаюсь от всего этого. Хочется просто быть нормальным мужиком. Не бывшим заключенным. Не бедным Денисом. Не сыном, которого жалко. Просто человеком. Только пока не получается.

Телефон лежит рядом. Экран тёмный. Я смотрю на него несколько секунд. Потом отвожу взгляд. Потому что знаю, кого ищу. Варю. Зайчону. Как всегда. Сам не заметил, когда это стало привычкой. Странная история получилась.

Познакомились совершенно случайно. Листал ленту. От скуки. От нечего делать. И увидел фотографию. Новогодний праздник. Детский утренник. Какие-то дети. Шарик. Мишура. А посреди всего этого стоит девчонка в костюме зайца рядом вместе с другими костюмированными и улыбается так, будто жизнь ее вообще никогда не была. Большие глаза. Нос красный от холода. Уши эти дурацкие.

Я тогда ещё подумал. Какая смешная. Не как большинство. И написал. Она не ответила. Потом снова написал. Потом ещё. Упрямая оказалась. Нормальный бы отстал. Но мне тогда делать нехрен было. Поэтому долбил дальше.

Потом все-таки ответила. И понеслось. Завертелось. Сначала сообщения. Потом разговоры. Потом привычка. Потом ожидание. Потом необходимость.

Твою мать. Я закрываю глаза. Потому что вспоминать колонию до сих пор не люблю. Там было страшно. Очень. Особенно в начале. Когда еще думаешь, что все это какая-то ошибка. Что сейчас проснешься. Что скоро отпустят. Что такого не может быть. А потом понимаешь - может. Еще как может.

Первые месяцы вообще были как один длинный день. Каждое утро просыпаешься и сразу начинаешь выживать. Не прогнуться. Не подставиться. Не сорваться. Не показать слабинку. Особенно сначала. Потому что никто тебя там не ждет с распростертыми объятиями. Пришел новенький? Значит будут смотреть. Проверять. Щупать границы. Кто ты. Что ты. Каждый день думаешь только о том, чтобы дотянуть до вечера.

Я быстро понял одну простую вещь. Там нельзя быть ни слишком мягким, ни слишком борзым. Иначе сожрут. Поэтому первое время ходил как натянутая струна. Смотрел. Слушал. Учился. Держать язык за зубами. Пару раз не сдержался. Несколько раз пришлось драться. Один раз так полу-

чил, что потом неделю нормально жевать не мог. В другой раз уже сам вломил. Потому что если не ответишь сегодня - завтра сядут на шею. Такая арифметика. Потом привыкаешь. Человек вообще ко всему привыкает. Даже к такому. Даже к аду. Особенно к аду.

Потом появился Саныч «Седой». Старый вор. Матерый. Лет двадцать по тюрьмам. Он и объяснил половину вещей, до которых я сам бы доходил гораздо больше. Не святой. Не хороший. Но и не мразь. Разные люди там сидят. Очень разные. Кто-то действительно конченный. Кого-то видеть не хочется. Нигода. А кто-то просто однажды сломал себе жизнь. Как я.

Со временем со своими в камере отношения выстроились. Без дружбы. Без братания. Но нормально. Жить можно. Только легче от этого не становилось. Потому что самое поганое в колонии даже не драки. Не проверки. Не режим. Самое поганое - одиночество. Когда вечером ложишься на свою шконку. Смотришь в потолок и понимаешь, что за забором идет жизнь. Люди встречаются. Женятся. Рожают детей. Едут в отпуск. Ссорятся. Мирятся. Живут. А ты нет. И завтра будет то же самое. И послезавтра. И через месяц. И через год.

Иногда от этого реально крыша ехала. Бывало лежал ночью и просто смотрел в темноту до утра. Без сна. Без мыслей. Пустой совсем.

Еще и болел постоянно. Легкие я там посадил капиталь-

но. Сырость. Сквозняки. Вечно кто-нибудь кашляет. Вечно какая-нибудь зараза по бараку гуляет. Несколько раз так накрывало, что с койки подняться не мог. Температура. Кашель. Ломота. А лечат там... ну, как лечат. Лишь бы не сдох. Вот и вся медицина. Поэтому сейчас стоит чуть простыть - сразу начинаю лаять как старый пес.

Мать бесится. Отец ворчит. А я уже привык. Только вот к одиночеству так и не смог.

Я провожу ладонью по лицу. Потираю уже привычно левую ключицу через футболку.

А потом ушла Марина. Сообщила об этом в двух строчках. Без истерик. Без объяснений. Просто поставила точку. Любил ведь. Реально любил. И вот тогда меня накрыло по-настоящему. Понял, что назад дороги нет. Остался один. Остались одни мать и отец. Но это родители, что еще можно от них ожидать. Жора и Паша иногда писали, не часто, но не то.

Целый год, больше даже был совершенно один среди всего этого зверья. Только родители приезжали. Мать плакала. Отец держался. А я сидел и думал, что жизнь закончилась. Оскотинился тогда капитально. На людей бросался. Огрызался. Озлобился. Дрался. Получал взыскания. Потом сидел один и жалел. По ночам лежал и реально выл в подушку как больной пес.

А потом за восемь месяцев до освобождения появилась Варя. Наверное тогда письма Вари и спасли. Не потому что

любовь. Не потому что романтика. Просто где-то там был человек. Который писал. Спрашивал как дела. Рассказывал про работу. Про детей. Про свою маму. Про сломанный чайник. Про снег. Про дождь. Про жизнь. Нормальную жизнь. И в этой нормальной жизни было место для меня.

Впервые за долгое время кто-то просто написал: «Привет» И оказалось, что одного этого слова достаточно, чтобы не сойти с ума.

Ее сообщения были как из другой жизни. Нормальной. Теплой. Где люди выбирают обои. Опаздывают на работу. Ругаются с подругами. Готовят ужин. Живут.

И я ждал этих сообщений как идиот. Каждый день. Каждое. Даже если там было написано всего два слова. Радовался каждому. О каждом думал.

Потом пришла первая передача. Я тогда вообще охренел. Минут десять сидел и смотрел на коробку. Не верил. Потому что никто кроме родителей подобного для меня давно не делал. Потом вторая. И совсем потерялся.

А когда Варя сказала, что хочет встретить меня после освобождения... Я неделю ходил как контуженный. Реально потерялся. Не понимал, нахрена ей это надо. Не верил до последнего. Потому что письма — это одно. Передачи — другое. Но приехать встречать мужика из колонии... Это уже совсем другая история.

Я тогда дни считал. Как пацан. Впервые за три года реально считал дни. Ждал. Думал. Представлял.

А потом увидел её. Настоящую. Живую. Первую ее увидел. Стоит нервничает. В куртку кутается. Глаза свои огромные таращит по сторонам. Я тогда чуть не заржал. И чуть не сдох одновременно.

Эти глаза. Улыбка. Волосы. Фигура. Ноги. Чёрт. Варя оказалась ещё красивее, чем на фотографиях. И ещё опаснее. А пахнет так, что лучше бы не подходил вообще. И улыбается. И смотрит. И все. Пздц.

И все стало еще хуже. Потому что хорошие девочки вроде неё не должны связываться с такими как я. Варя хорошая. Правильная. Из хорошей семьи. С нормальной жизнью. Ей бы учителя какого-нибудь. Или врача. Или вот этого прилизанного хмыря в рубашке, что бежит с явно очень важной должности. А не мужика с судимостью, без квартиры, пустыми карманами и башкой набекрень. Я это понимаю. Очень хорошо понимаю. Поэтому и молчу всю неделю. Потому что чем дальше держаться — тем легче потом будет ей. И мне. Наверное.

Хотя кого я, бл*дь, обманываю. Мне легче не становится. Совсем.

Дверь машины открывается. Я поднимаю голову. Под дождём к машине бежит мужчина лет сорока. Садится на заднее сиденье. Стряхивает воду с куртки.

— Добрый вечер.

Я убираю телефон в карман. Завожу двигатель. Вот и новый клиент.

— Куда едем?

Глава 10

Варя

К половине восьмого в центре остаётся только я, охранник и Кирилл.

Кириллу шесть. Он сидит за маленьким столом в игровой зоне и старательно собирает конструктор.

Я заполняю последние документы и каждые несколько минут смотрю на часы. Обычно его мама приезжает вовремя. Даже заранее. Поэтому начинаю волноваться.

Рабочий день уже закончился. Все уже ушли домой. Да и мне давно пора, но не могу же я оставить ребенка одного. Может стоит позвонить его маме самой?

Телефон звонит как раз в тот момент, когда я уже собираюсь набрать её сама.

— Алло?

— Варвара Сергеевна, здравствуйте.

В голосе Светланы слышится паника. На заднем фоне шумят люди. Кто-то что-то говорит. Хлопают двери.

— Здравствуйте.

— Простите меня, пожалуйста.

Я сразу понимаю. Она не успевает.

— Что случилось?

— Нас задержали на работе. Срочное совещание. Я уже пыталась выехать, но..., — Она тяжело выдыхает. — Мне

ещё минимум час.

Я смотрю через стекло на Кирилла. Тот уже строит башню. Совершенно счастливый.

— Ничего страшного.

— Нет, это ужасно неудобно.

— Правда, всё нормально.

— Я могу попросить вас об одолжении?

— Конечно.

— Вы не могли бы посадить Кирилла в такси? Я встречу вас возле дома.

Я задумываюсь буквально на секунду. Потом киваю самой себе.

— Хорошо.

— Спасибо вам огромное.

— Не переживайте.

Через десять минут мы с Кириллом уже стоим возле центра. На улице прохладно. Майский день закончился дождём. Мелким. Нудным.

Кирилл держит меня за руку и рассказывает что-то про супергероев. Я слушаю вполуха и вызываю машину.

Такси приезжает быстро. Белая «Лада». Останавливается прямо напротив нас.

Я делаю шаг вперёд. Открываю приложение. Сверяю номер. Всё правильно.

Поднимаю голову. И застываю. Секунда. Две. Три. Потому что водитель тоже смотрит на меня. И тоже явно не ожи-

дал.

Денис.

На мгновение мне кажется, что я придумала его. После двух недель тишины. После бесконечных проверок телефона. После разговоров с девочками. После мыслей, что всё закончилось.

Я даже уже где-то смирилась с тем, что Денис мне больше не напишет и поверила в ответы подруг.

Но нет. Он настоящий. Сидит за рулём. Смотрит на меня. И выглядит таким же удивлённым.

— Охренеть, — первым говорит он.

Я невольно смеюсь. И тут же заливаюсь румянцем. С нами ребенок, а Денис так выражается. Хочется закрыть мальчику уши.

— Здравствуй.

— Здравствуй, зайчона.

Сердце почему-то делает совершенно ненужный кульбит. Кирилл переводит взгляд с меня на Дениса. Потом обратно.

— Вы знакомы?

— Немного, — отвечает Денис.

Я замечаю, что он улыбается. По-настоящему. Первый раз с того вечера у родителей.

И почему-то именно сейчас до меня доходит одна простая мысль. Я скучала. Очень сильно скучала.

— Ты теперь в такси работаешь?

— Пока да., — Он пожимает плечами. — Есть вопросы?

У него снова появляется эта знакомая усмешка. Грубоватая. Немного наглая. Живая. И я вдруг чувствую себя так, будто последние четырнадцать дней просто исчезают. Будто их вообще не было.

— Есть., — складываю руки на груди. — Например, почему некоторые люди исчезают на неделю.

Улыбка медленно сползает с его лица. Он смотрит на меня несколько секунд. Потом переводит взгляд на Кирилла. Потом снова на меня.

И неожиданно говорит тихо:

— Садитесь.

Оу, кажется я перегнула.

Мы устраиваемся с Кириллом на заднее сиденье.

Всю дорогу Кирилл болтает. Про школу. Про супергероев. Про какого-то мальчика из группы, который вредный и постоянно забирает красные карандаши.

Денис слушает молча. Иногда усмехается. Иногда задаёт короткие вопросы. И я с удивлением замечаю, что Кирилл совершенно его не боится. Хотя обычно к незнакомым мужчинам относится настороженно.

Денис едет довольно терпимо. Не могу сказать, что прям весь из себя аккуратный. Но никуда не гонит, но и специально не объезжает каждую ямку. А их у нас на пути целая траншея. Эту дорогу ремонтируют каждый год. Точнее ставят знаки о ремонте, но я еще ни разу не видела, чтобы хотя

бы одна ямка была закрыта и продержалась хотя бы два дня.
Машину слегка подбрасывает на очередной выбоине.
— Ого!, — радуется Кирилл.
— Ничего себе у тебя критерии веселья, — усмехается Денис.

— А можно еще?

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что потом твоя Варвара Сергеевна меня убьет.

Кирилл задумывается. Я не выдерживаю и смеюсь. Денис бросает взгляд в зеркало заднего вида. И я тут же отворачиваюсь к окну. Потому что внутри начинается происходить что-то совершенно неправильное. Рядом с Денисом снова становится как-то... Правильно. Будто после долгой паузы вернулась знакомая мелодия. Которую я уже успела потерять.

Возле нужного дома нас уже ждёт мама мальчика. Стоит под козырьком подъезда. Мокрая после дождя. Виноватая.

Я выхожу вместе с Кириллом. Передаю его Светлане. Та начинает извиняться раз десятый. Я успокаиваю её раз десятый.

Наконец они уходят. Поднимаются по ступенькам. Я смотрю им вслед и улыбаюсь.

Потом возвращаюсь к машине. Дверь хлопает. В салоне тепло. Пахнет дождём. Сигаретами. И чем-то знакомым.

Денис трогается с места. Некоторое время едем молча. Просто каждый думает о своем. Остаются только все вопро-

сы, которые я две недели задавала мысленно.

Потом Денис спрашивает:

— Часто так?

— Как?

— Детей развозишь.

— Бывает.

— Это в обязанности входит?

Я усмехаюсь.

— Конечно нет.

— Тогда зачем?

— Жалко их., — Пожимаю плечами.

Денис коротко смотрит в мою сторону.

— Жалко?

— Да. У Кирилла только мама. Отец ушёл давно. Работает она много. Иногда не успевает.

— И ты становишься бесплатным такси.

— Иногда.

— Добрая ты.

В его голосе слышится что-то странное. Не насмешка. Скорее удивление.

— Просто ребёнок не виноват.

— Это да.

За окном проплывают мокрые улицы. Фонари. Витрины. Луи.

Я смотрю на его профиль. На руки на руле. На короткую щетину. На складку между бровями. И понимаю, что больше

не хочу ходить вокруг да около.

— Денис, почему ты не писал?, — Вопрос вылетает сам. Мельников молчит. Несколько секунд. Дольше, чем нужно.

— Варя.

— Что?

— Ты сразу в лоб, да?

Я продолжаю смотреть на него. Он тяжело выдыхает. Потом усмехается. Без веселья.

— Потому что я debil.

— Очень содержательно.

— Как умею.

Снова молчание. Потом он проводит ладонью по лицу.

— После выхода крышу немного сорвало.

— В каком смысле?

— В прямом., — Усмехается. — Гулял. Пил. С пацанами зависал. Жизнь догонял.

Мне не нравится услышанное. Совсем. Опять чувствую себя что-то вроде «использованной». Это так он проводил свое время?

Наверное, это отражается на лице. Потому что Денис замечает.

— Не смотри так.

— Как?

— Будто я признался в тройном убийстве.

— Ты на неделю пропал.

— Две.

— Тем более.

Он кивает. Соглашается.

— Да. Тем более.

Я отворачиваюсь к окну. В груди неприятно колет. Глупо. Очень глупо. Мы друг другу никто. А выкладываю ему какие-то претензии.

Но почему тогда так обидно?

— Зайчона.

Я молчу.

— Обиделась?

— Нет.

— Врёшь.

— Не вру.

— Врёшь.

Я невольно улыбаюсь. Потому что эту фразу слышала уже сотню раз.

Денис замечает улыбку. Тоже усмехается. А потом вдруг становится серьёзным.

— Я не хотел пропадать., — Он крепче сжимает руль. Смотрит на дорогу. — И не знал, что тебе написать.

Я удивлённо поворачиваюсь к нему.

— Что?

— Что слышала.

— Денис...

— Варя, я только откинулся., — говорит спокойно. Без

жалости к себе. Просто как факт. — Я сам не понимал, что со своей жизнью делать. Работы нет. Денег толком нет. Половина знакомых отвернулась. Вторая половина делает вид, что всё нормально., — коротко усмехается. — А тут ещё ты.

Звучит это оскорбительно. Будто я подвернулась как что-то такое, что вообще не к месту. Будто мусор.

— Я?

— Ты.

— И что я?

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— Хорошая слишком.

Сердце почему-то пропускает удар.

— Это претензия?

— Это проблема.

Я смотрю на него несколько секунд. А потом тихо спрашиваю:

— И поэтому ты решил исчезнуть?

Денис качает головой.

— Нет., — Пауза. — Поэтому решил сначала понять, какого хрена вообще делать дальше.

— И к какому выводу ты пришел?

— К никакому.

Некоторое время мы едем молча. Без неловкости. Просто каждый снова думает о своём.

За окном всё ещё моросит дождь. Дворники лениво скрипят по стеклу. Я смотрю на мокрые улицы и пытаюсь понять,

что чувствую.

Обида ещё есть. Но уже не такая острая. Потому что Денис не врёт. Я это чувствую.

Ох, девочки точно прибьют меня за такую доверчивость. Моя вера просто закрывает мне глаза на факты. Но ничего не могу поделать.

Он не придумывает красивых оправданий. Не рассказывает сказки. Не говорит, что потерял телефон или лежал при смерти. Просто отвечает как есть. По-своему. Немного грубо. Немного коряво. Но честно.

— Я не хотел тебя обидеть, зайчона., — Голос звучит тихо.

Я поворачиваю голову. Денис смотрит на дорогу.

— Правда.

— Тогда мог написать.

— Я тебе писал раз двадцать.

Я удивлённо моргаю.

— Когда?

— В голове.

Я фыркаю и закатываю глаза, жду продолжения. Но его нет. Денис не начинает оправдываться. Не перекладывает вину. Не рассказывает жалостливые истории. Просто признаёт. Да. Мог. Да. Не написал. Что ты теперь с этим будешь делать?

Мне почему-то нравится эта честность. Даже если она раздражает. Я хочу злиться. Честно хочу. Но с Денисом это по-

чему-то сложно. Особенно когда он смотрит так виновато. Совсем немного. Самую капельку. Будто ему самому не нравится этот разговор.

— Ты невозможный.

Денис усмехается.

— Слышал уже сегодня.

— От кого?

— От одной девушки.

— Бедная девушка.

— Очень.

Я закатываю глаза. Он смеётся. Коротко. Хрипловато. Потом снова кашляет.

Я хмурюсь.

— Ты много куришь.

— Знаю.

— Это вредно.

— Спасибо, Варвара Сергеевна.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Спасибо.

Улыбка всё равно остаётся в уголках его губ.

Через несколько минут машина останавливается возле моего дома. Я смотрю на знакомый подъезд. Не хочется выходить. Странное чувство. Будто разговор только начался. Но и оставаться повода нет.

— Ну вот.

Я берусь за ручку двери.

— Спасибо, что подвёз.

— Да не за что.

Пауза. Небольшая. Но какая-то важная.

Я беру сумочку. Выхожу из машины.

Потом Денис вдруг спрашивает:

— А чаем угостишь?

Я удивлённо смотрю на него. Он вроде говорит серьёзно.

Но в глазах уже появляется знакомая насмешка.

— Нет.

— Жестоко. Даже кружку?

— Даже кружку.

— Мне домой не хочется.

Я невольно улыбаюсь.

— Это уже манипуляция.

— Немного.

— Не работает.

— Жалко.

Я качаю головой.

— Уже поздно.

— Да знаю я., — проводит ладонью по рулю. Потом смотрит на меня. Спокойно. Без улыбки. — Тогда иди.

Сердце почему-то снова делает этот странный кульбит.

— Спокойной ночи.

— И тебе.

Я закрываю дверь «Лады». Дождь почти закончился.

Сделав несколько шагов к подъезду, зачем-то оборачива-

юсь. Не знаю зачем. Просто оборачиваюсь.

Денис всё ещё стоит. Смотрит вслед. Будто тоже ждет. Чего именно - непонятно. А когда замечает, что я повернулась, поднимает руку. Совсем немного. По-свойски. Будто мы знакомы уже гораздо дольше, чем есть на самом деле.

Я тоже поднимаю ладонь. И только после этого разворачиваюсь к подъезду.

Сердце почему-то колотится сильнее, чем должно. Глушь какая. Взрослая женщина. Педагог. С отличным образованием. А веду себя как школьница после первого свидания. Хотя это даже свиданием не было.

Я закрываю дверь подъезда. Захожу внутрь. Поднимаюсь на несколько ступенек. И снова оглядываюсь через стекло. Машина все еще стоит на месте.

Ну почему он все еще стоит? И почему мне от этого так тепло?

Только когда я дохожу до лифта, внизу наконец вспыхивают фары. Через несколько секунд «Лада» медленно выезжает со двора. А я остаюсь одна. Стою посреди пустого подъезда.

Эти две недели оказались намного тяжелее, чем я готова была признать. Но вместе с этим внутри остается что-то еще. Неприятное. Царапающее. Он все равно исчез. Все равно пропал без объяснений. Все равно оставил меня одну додумывать причины. Я больше не злюсь так сильно, как неделю назад. Но и верить ему снова безоговорочно не собираюсь. Потому что переписываться с Денисом Мельниковым

оказалось намного проще, чем строить отношения с настоящим Денисом.

А настоящего Дениса я только начинаю узнавать.

Глава 11

Варя

Утро начинается подозрительно хорошо. Я даже успеваю подумать об этом, пока завариваю чай. Ничего не разбила. Не опоздала. Не порвала колготки. Не потеряла ключи. Подозрительно.

Опыт подсказывает: если день начинается слишком спокойно, значит жизнь просто ждёт подходящего момента и большой «писец» случится позже.

Я допиваю чай, проверяю сумку, надеваю куртку и выхожу из квартиры.

Закрываю дверь. Поворачиваюсь. И замираю.

Потому что возле подъезда стоит знакомая белая «Лада».

Мельников стоит рядом с машиной, опираясь плечом о дверь и с бумажным стаканом кофе в руке. В чёрной толстовке. Потертые джинсы. Немного небритый. И совершенно довольный собой. Увидев меня, поднимает голову.

— Ты чего тут делаешь?, — спрашиваю я.

Улыбка у него становится шире.

— Доброе утро, зайчона.

Я смотрю на него несколько секунд. Потом на машину. Потом снова на него. Потому что мозг еще не до конца

проснулся и отказывается воспринимать происходящее.

— Ты что здесь делаешь?, — повторяю.

— Тебя жду.

— Зачем?

— Подвезти хочу.

Сердце почему-то делает небольшой кульбит. Очень маленький. Совсем крошечный. Настолько, что я успеваю сделать вид, будто ничего не произошло.

Денис делает глоток кофе.

— На работу?

— Нет. На Бали.

— Отличный план.

— Тоже так думаю.

— Ну что, едем?

Я моргаю.

— Что?

— Подвезти тебя.

— Зачем?

— Захотелось.

Сердце опять дёргается. Неприятно. Приятно. Чёрт его знает как. И это начинает раздражать.

Потому что еще совсем недавно я переживала, что он исчез. Потом злилась. Потом убеждала себя, что мне все равно. А теперь этот человек стоит возле моего подъезда с кофе и ведет себя так, будто ничего особенного не произошло.

И самое обидное - часть меня все равно рада его видеть.

Очень рада.

— Ты специально приехал?

— Нет. Случайно возле твоего подъезда оказался в восемь утра.

Шутит. Я пытаюсь не улыбаться. Честно пытаюсь. Не получается. Денис замечает это сразу.

— Вот. Уже лучше.

— Что лучше?

— Улыбаешься. Не будь такой злоюкой с утра зайчона. Дети не оценят.

— А ты, значит, оценил?

— Я уже оценил.

Я закатываю глаза. Но улыбка все равно остается. И это раздражает еще сильнее. Потому что нельзя столько злиться на человека и одновременно так радоваться его появлению. Наверное.

Мы смотрим друг на друга несколько секунд. Потом Денис вдруг становится чуть серьезнее. Не полностью. Совсем немного.

— Варя.

— М-м?

— Я правда не хотел тебя обидеть.

Намеки на мою улыбку тут же спадают. Я опускаю глаза в пол. Потому что обида все еще сидит где-то внутри.

— Я поняла.

Денис молчит. Потом тихо вздыхает, будто хотел ска-

зять что-то еще. Но передумал. Он открывает пассажирскую дверь.

— Садись уже.

Я качаю головой. И всё-таки иду к машине. Потому что опаздывать на работу не хочется. И потому что, если совсем честно... Мне нравится, что он приехал. Просто так. Без причины. Потому что захотелось.

Машина выезжает со двора. Несколько минут едем молча.

Я украдкой смотрю на Дениса. Он сосредоточенно ведёт машину. Одной рукой держит руль. Второй постукивает по нему пальцами. Будто нервничает. Или просто не привык сидеть спокойно.

В переписке мне всегда казалось, что Денис очень разговорчивый. Что он постоянно шутит. Подкалывает. Болтает обо всякой ерунде. Но сейчас рядом сидит мужчина, который спокойно может молчать пять минут подряд и вообще не испытывать по этому поводу никакого дискомфорта.

— Как спала?

— Нормально.

— Врёшь.

Я поворачиваюсь к нему.

— Почему?

— Глаза сонные.

— Это потому что восемь утра.

— Аргумент.

Я невольно улыбаюсь. Денис тоже. Краешком губ. Совсем

немного.

— Как ты? — спрашиваю я.

— Пока живой., — хмыкает.

— Очень развернутый ответ.

— Какой вопрос, такой ответ.

Я невольно морщусь. В переписке Денис бы сейчас обязательно пошутил или как-то ответил по-другому. Начал бы рассказывать какую-нибудь ерунду. Но сейчас за рулем сидит совсем другой Денис. Не тот, которого я придумала себе за восемь месяцев сообщений. Этот отвечает коротко. Резко. Будто каждое слово приходится вытаскивать клещами.

— Так зачем ты приехал?

— Тянет.

Я хмыкаю. Здорово. Его только сейчас потянуло? Две недели молчал, а теперь что-то дрогнуло? Очень удобно.

Несколько секунд проходит в тишине. Потом Мельников вдруг косится на меня.

— Всё ещё дуешься?

— Нет.

— Зайчона, ты же педагог, не хорошо обманывать.

Я закатываю глаза.

— Самоуверенный какой.

— Просто вижу.

— И что ты видишь?

— Что хочешь мне по голове чем-нибудь дать.

— Немножко.

— Заслужил.

Это он говорит совершенно спокойно. Даже спорить не пытается.

Я смотрю на него удивлённо.

— Признаёшь?

— А чего отрицать?

— Неожиданно.

Денис пожимает плечами.

— А чего ты ожидала? Насрал — убирай. Теперь что, делать вид, будто это не я был?

Я невольно морщусь. Фраза звучит резко. Очень резко. Настолько, что я даже не сразу понимаю смысл. Цепляет его грубая прямолинейность. Меня это неожиданно раздражает. В переписке он умел быть мягче. Намного. Словно там и здесь два разных человека.

В этот момент перед нами резко перестраивается чёрный кроссовер. Практически без поворотника. Слишком близко и нагло.

Денис тут же бьёт по тормозам и сигналист. Нас дергает вперед, я успеваю схватиться за ручку дверцы. Сердце подпрыгивает к горлу.

— Да ты совсем охренел?! Куда ты лезешь, debil?!, — Голос звучит резко. Жёстко.

Я даже вздрагиваю сильнее, чем от торможения.

Кроссовер спокойно уезжает дальше. А Денис ещё несколько секунд смотрит ему вслед. С мрачным лицом.

— Права в лотерею выиграл, что ли... долбо*б.

Только потом замечает мой взгляд. Замолкает. И тут же морщится.

— Блин.

— Что?

— Извини.

Я удивлённо моргаю.

— За что?

— За тон., — Он неопределённо машет рукой. — Привычка.

— Ругаться?

— Грубо говорить., — Он на секунду замолкает.— Там особо интеллигентных бесед не было. Просто иногда забываю, что не со своими разговариваю.

Последняя фразу он говорит уже тише. И как-то виновато.

— Со своими?, — поворачиваюсь к нему.

— Ну..., — Денис усмехается. — В моем окружении так никто внимания не обращает.

— А я обращаю?

— Еще как.

— И что теперь?

— Теперь стараюсь базар фильтровать.

Я не выдерживаю и смеюсь.

— Пока получается плохо.

— Я же сказал - стараюсь.

— Очень стараешься.

— Да пошла ты. , — отмахивается Денис.

Фраза вылетает раньше, чем он успевает подумать.

Я поворачиваюсь к нему. Денис на секунду прикрывает глаза. Будто ему физически больно

— Да бя... , — он стучит пальцами по рулю и слегка по-тирает свою левую ключицу через футболку — Варя. Извини. Блин, нормально же разговаривали. Я теперь вообще ничего говорит не буду.

И выглядит при этом настолько искренне расстроенным, что я едва сдерживаю улыбку. Потому что впервые вижу. Он правда старается. Просто получается через одно место.

Я отвожу взгляд в окно. Так выглядит настоящий Денис? Не тот мужчина из сообщений. Грубый. Иногда резкий. Иногда неуклюжий. Иногда совершенно не умеющий подбирать слова.

— Тебе настолько тяжело?

— Сложный вопрос.

— Почему?

— Потому что сам не понял ещё.

Я смотрю на него несколько секунд. Он отвечает коротко. Но впервые мне кажется, что за этими короткими ответами прячется намного больше, чем он говорит.

— Настолько всё плохо?

— Да нормально всё.

По интонации понятно — ни черта не нормально. Но дальше расспрашивать не хочется.

Мне казалось, что я знаю Дениса. А сейчас понимаю, что знаю только человека по ту сторону экрана. А этот мужчина за рулем... Он совсем другой. Написать можно что угодно. Стереть, исправить, подумать, переписать. В жизни так не работает. Тут что в голову пришло, то и ляпнул.

И мне еще предстоит понять, нравится ли он мне таким. Дальше едем спокойнее. Почти до самого центра.

Когда знакомое здание «Ростка» появляется впереди, я начинаю собирать вещи. Машина плавно останавливается возле входа.

— Ну всё, приехали.

— Спасибо.

Я уже тянусь к ручке двери, когда слышу:

— Во сколько заканчиваешь?

Я сразу настораживаюсь.

— Зачем?

— Заберу тебя.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я прекрасно умею добираться домой сама.

— Я уже заметил.

Я качаю головой. Нет, вот это уже больше похоже на того Дениса, которого я знала по переписке. Только все равно не совсем. Тот был легче. Этот словно постоянно носит на плечах какой-то не видимый груз.

Мельников усмехается.

— Все еще наказываешь?

— Присматриваюсь

— Жестокая ты женщина.. — уголок его губ дергается.

— Ну присматривайся., — кивает, будто принимает правила игры. — А если дождь будет?

— Возьму зонт.

— А если ливень?

— Возьму большой зонт.

— А если ураган?

— Денис. Даже если будет нашествие инопланетян.

Он смеётся. По-настоящему. И почему-то именно этот смех напоминает мне того мужчину, который когда-то писал мне дурацкие сообщения по ночам.

Становится немного легче.

— Ладно, понял.

Я открываю дверь.

— Хорошего дня.

— И тебе, зайчона.

Я выхожу из машины. Закрываю дверь. Делаю несколько шагов к центру. И почему-то чувствую его взгляд между лопаток.

Оборачиваться не собираюсь. Абсолютно точно не собираюсь. Потому что взрослые женщины не оборачиваются. Особенно на мужчин, на которых вроде как немного обижены. Поэтому, конечно же, оборачиваюсь.

И вижу, что Денис всё ещё стоит. И смотрит вслед. Словно

проверяет, действительно ли я зашла в здание.

Я качаю головой. Упрямый. Просто невозможный мужчина. И сама не замечаю, как уголки губ снова ползут вверх. Потому что этот человек способен одновременно раздражать меня и нравится мне почти в равной степени.

День проходит относительно спокойно. Настолько спокойно, насколько вообще может быть спокойно в «Ростке».

Я успеваю провести два занятия, разобрать документы и даже выпить кофе, когда в кабинет буквально влетает Прасковья Николаевна.

— Варвара!

Я сразу понимаю. Что-то случилось.

— Что произошло?

— Катастрофа.

— Какая именно?

— Помощница Орехина забыла пакет документов.

— Каких документов?

— Очень важных документов.

Это ничего не объясняет. Но Прасковью Николаевну такие мелочи никогда не смущали.

— И тебе нужно отвезти их., — указывает на меня.

— Мне?

— У тебя окно между занятиями.

Вот и весь ответ.

Замечательно. Остальные сотрудники поглядывают на меня и мысленно выдыхают, что не им такое «счастье» доста-

лось. А кто-то и вовсе может отказать. Но не я. Потому что Варя Литвинова - человек, который почему-то всегда соглашается.

Я смотрю на часы. Потом на папку. Потом снова на Прасковью Николаевну. Понимаю, что сопротивление бесполезно.

— Хорошо.

— Знала, что могу на тебя положиться.

Конечно знала. Именно поэтому меня всегда куда-нибудь отправляют.

Я только вздыхаю. Собираюсь и отправляюсь в увлекательное путешествие почти на другой конец города.

Через час я уже стою возле нового филиала.

Здание красивое. Современное. Большие окна. Светлый фасад. Перед входом суется рабочий. Кто-то таскает коробки. Кто-то развешивает указатели.

Завтра открытие. Поэтому внутри царит лёгкий организованный хаос. Так выглядит любое большое мероприятие за день до начала.

Меня замечают почти сразу.

— Варя!

Иван появляется словно из воздуха. В светлой рубашке. С телефоном возле уха.

Он быстро заканчивает разговор и подходит ко мне.

— Вы спасли меня.

— Не преувеличивайте.

— Нет, серьёзно.

Я протягиваю папку. Он берёт её обеими руками и с таким облегчением выдыхает, будто внутри лежат не документы, а кислородный баллон.

— Фух, без этого было не обойтись., — он открывает папку, бегло просматривает содержимое и удовлетворенно кивает. — Всё. Уволю её.

— Кого?

— Помощницу.

— Иван Александрович...

— Что? Давно пора было это сделать. Поверьте это далеко не первая ее ошибка, бывало и хуже.

— Все же как-то жалко.

— Мне тоже жалко. Себя.

Я смеюсь. Иван качает головой

— Все же я нанимаю людей, чтобы они исполняли свои обязанности. Если я начну делать работу за всех, зачем мне тогда сотрудники?

Я улыбаюсь. Иван качает головой. Потом вдруг смотрит на часы. Потом на меня и вдруг словно что-то решает.

— У вас много времени?

— Минут сорок.

— Отлично. Варвара Сергеевна, не хотите экскурсию во моем лице?

— Зачем?

— Затем, что я потратил кучу денег на этот филиал., —

разводит руками. — Хотя кто-то должен оценить мои страдания.

— Ваши страдания выглядят очень дорого., — оглядываю я здание еще раз.

— Именно., — Иван улыбается. Той самой спокойной улыбкой, которой обычно добивается своего. — Мне нужен взгляд человека, который действительно работает с детьми.

— То есть дизайнеров Вам недостаточно?

— Они не умеют смотреть глазами педагога.

— А я умею?

— Конечно.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что вы уже три раза посмотрели на стойку администратора.

Я удивлённо моргаю.

— И что?

— И мысленно её раскритиковали. К сожалению.

Я невольно улыбаюсь. Он угадал. Стойка действительно показалась мне неудобной. Слишком высокой для детей.

— Немножко.

— Вот видите., — Иван довольно улыбается. — Пойдёмте.

И я неожиданно соглашаюсь. Потому что действительно интересно. А ещё потому, что рядом с Иваном всегда спокойно. Он просто идёт рядом и рассказывает о том, что для него важно.

Глава 12

Варя

Филиал оказывается действительно красивым. Не просто красивым. Продуманным.

Светлые стены. Большие окна. Удобная навигация. Игровые зоны. Несколько кабинетов для индивидуальных занятий.

Иван ведёт меня по коридору и рассказывает о каждом помещении так, будто показывает собственную квартиру. Наверное, в каком-то смысле так и есть. Слишком много сил сюда вложено. И слишком много гордости в голосе.

— Здесь будет сенсорная комната.

Я захожу в нутрь. Останавливаюсь посреди помещения. Осматриваюсь. Мягкий свет. Удобное расположение оборудования. Спокойные цвета.

— Хорошая.

— Правда?

— Правда.

— Отлично. Значит дизайнеру пока можно жить.

Я смеюсь.

— А вы уже хотели его уволить?

— Я сегодня многих хотел уволить.

— Тяжёлый день?

— Завтра открытие. Этим всё сказано.

— Сочувствую.

— Спасибо. Поддержка мне сейчас нужна.

Мы заглядываем ещё в несколько кабинетов. Я автоматически отмечаю расположение мебели. Высоту столов. Освещение.

Иван замечает это почти сразу.

— Тебе что-то не нравится.

— Почему сразу не нравится?

— Потому что у тебя сейчас лицо специалиста.

— У меня есть лицо специалиста?

— Конечно.

— И какое оно?

— Очень сосредоточенное и слегка недовольное.

Я не выдерживаю и смеюсь.

— Вот здесь бы стол переставить., — указываю в сторону.

— Почему?

— Ребёнок будет отвлекаться на окно.

Иван достаёт телефон. Что-то записывает. Я удивлённо смотрю на него.

— Вы серьёзно?

— Конечно.

— Я просто сказала.

— А я просто записал.

Именно такие мелочи подкупают. Иван не начинает объяснять, почему дизайнер прав. Не доказывает, что все уже продумано. Просто слушает.

Мы идём дальше. Потом обсуждаем игровую зону. Потом

ожидание для родителей. Потом ещё что-то. И неожиданно проходит почти полчаса. Время летит быстро. Наверное потому, что мне действительно интересно. А Иван умеет слушать. Не перебивает. Не спорит ради спора. Не пытается доказать, что знает лучше. Просто задаёт вопросы. И внимательно слушает ответы. Редкое качество.

Мы возвращаемся к ресепшену.

— Ну что, Варвара Сергеевна, спасибо за конструктивное мнение.

— Не стоит. Мне было правда интересно. Это хороший центр, людям здесь понравится. Я уверена.

Иван улыбается. И почему-то выглядит довольным именно этим. Не похвалой. А тем, что похвала искренняя. А она правда искренняя. Мне очень понравилось.

— Позвольте мне в качестве «спасибо» отвезти Вас обратно в «Росток».

— Не нужно.

— Варя.

Я уже начинаю улыбаться. Почему-то все мужчины вокруг в последнее время одинаково плохо воспринимают слово «нет».

— Ты привезла документы. Потратила своё время. Провела мне бесплатную консультацию. Я хотя бы могу довезти тебя обратно.

— Иван Александрович...

— И это не обсуждается.

Я качаю головой.

— Манипуляция.

— Немного.

— Вы сговорились что ли?

Он удивлённо поднимает бровь.

— С кем?

Перед глазами почему-то сразу возникает Денис.

— Ни с кем., — отвожу глаза.

— Вот и хорошо. Пойдемте.

Через несколько минут мы уже выезжаем со стоянки.

В машине играет негромкая музыка. За окном мелькают улицы.

— Спасибо, — говорит Иван неожиданно.

— За что?

— За честное мнение.

— Всегда пожалуйста.

— Нет, серьёзно., — Он на секунду отрывает взгляд от дороги. — Большинство людей говорят то, что хотят услышать.

— А я?

— А ты сказала про стол.

Я улыбаюсь.

— Очень страшная критика.

— Но полезная.

Некоторое время мы едем молча. Спокойно. Без напряжения. Без необходимости подбирать слова.

И я ловлю себя на мысли, что рядом с Иваном удивительно легко. Он понятный. Предсказуемый. Надёжный. Из тех людей, про которых мама сказала бы: "Очень хороший мужчина".

И почему-то именно эта мысль заставляет меня вспомнить совсем другого мужчину. Того, который сегодня утром обозвал какого-то водителя дебилом. А потом сам же поморщился от собственных слов.

Господи. Что вообще творится с моей жизнью? Почему из всех мужчин на свете меня тянет именно к самому проблемному?

Иван ведёт одной рукой, второй иногда отвечает на сообщения через гарнитуру. Судя по количеству звонков и сообщений, завтра его ждёт настоящий кошмар.

— Нервничаете? — спрашиваю я.

— Очень.

— По Вам не видно.

— Это многолетняя практика.

Я улыбаюсь.

— То есть внутри паника?

— Внутри пожар. Если завтра всё пройдёт хорошо, я неделю буду спать.

— Что-то я сильно в этом сомневаюсь.

Он вздыхает.

— Но помечтать приятно.

Потом Иван будто что-то вспоминает.

— Кстати.

— М-м?

— Приходи завтра.

— Куда?

— На открытие.

Я удивлённо смотрю на него.

— Зачем?

— Затем, что ты уже внесла вклад в развитие филиала.

— Тем, что передала папку?

— И раскритиковала мой кабинет.

— Я его не критиковала.

— Конечно., — улыбается. — Просто уничтожила несколько дизайнерских решений.

— Простите, но я работаю.

— На полчаса.

— У меня занятия.

— На час.

— Нет.

— На сорок минут.

Я качаю головой.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что у меня расписание.

— Это решаемо.

Я начинаю подозревать неладное.

— Что Вы задумали?

Улыбка становится слишком невинной.

— Я руководитель. Могу воспользоваться служебным положением.

Я даже смеюсь.

— Каким ещё служебным положением?

— Очень серьёзным. Позвоню Прасковье Николаевне и она тебя отпустит.

— Иван Александрович это нечестно.

— Почему нечестно?

— Потому что другие работают.

— И ты будешь работать. Полчаса ничего не изменят.

— Для меня изменят.

Иван на секунду отвлекается от дороги и внимательно смотрит на меня.

— Ты всегда такая правильная?

— Практически.

— Тяжело живётся?

— Иногда.

— Верю. Варя, большинство людей на твоём месте уже бы обрадовались возможности уйти пораньше.

— А потом мне будет неудобно.

— Перед кем?

— Перед всеми.

— Даже перед собой?

Я задумываюсь. Потом честно отвечаю:

— Особенно перед собой.

Иван несколько секунд молчит. Потом неожиданно кивает.

— Ладно.

— Ладно? Так просто?

— А что мне остаётся?

Я подозрительно щурюсь.

— Вы точно не собираетесь звонить Прасковье Николаевне?

— Пока нет. Но в любом случае приглашение остаётся в силе, — улыбается. Не обиженно. Скорее задумчиво. Будто прикидывает что-то в голове.

Потом вдруг спрашивает:

— Тогда можно другой вопрос?

Я настораживаюсь.

— Какой?

— Ты всегда отказываешь только мне или это жизненная позиция?

Я невольно смеюсь.

— Не только вам.

— Уже легче.

— Почему?

— Потому что иначе пришлось бы принимать всё на свой счёт.

Я качаю головой.

— Вам не идёт жаловаться.

— Я стараюсь.

Несколько секунд он молчит. Потом всё-таки говорит:

— Хорошо. Банкет отменяется. Но однажды я всё равно украду тебя на кофе.

Я поднимаю брови.

— Украдёте?

— В рамках закона.

— Очень обнадёживает.

— Я серьёзно., — Улыбка становится мягче. — Просто кофе. Или ужин. Или прогулка. Что тебе больше нравится.

Господи. Почему это вдруг стало так сложно?

— Я подумую.

Иван улыбается.

— Это уже лучше, чем нет.

— Ничего не обещаю.

— А я никуда не тороплюсь.

Почему-то именно эта фраза заставляет меня немного смутиться.

Машина плавно сворачивает к зданию «Ростка».

Когда мы останавливаемся возле входа, Иван глушит двигатель.

— В любом случае спасибо.

— За что?

— За сегодня.

— Вам спасибо за экскурсию.

— Тогда договорились.

Я берусь за ручку двери.

— До свидания.

— До завтра.

— До свидания.

— Хорошего вечера, Варвара Сергеевна.

— И вам.

Я качаю головой и выхожу из машины. Бросаю взгляд на наши окна и кажется вижу знакомый силуэт.

И уже когда поднимаюсь по ступенькам центра, слышу за спиной:

— Варя!

Оборачиваюсь. Иван опускает стекло.

— Если передумаете — буду рад.

Я улыбаюсь.

— Не передумаю.

И только после этого он уезжает.

Стоит мне переступить порог центра, как я понимаю — что Ира уже ждёт меня возле стойки администратора. И взгляд у неё подозрительно довольный.

— Что? — настораживаюсь я.

Она расплывается в улыбке.

Господи.

— Это был Орехин?

Я закрываю глаза. Окна кабинета Иры как раз выходят на парковку.

— Ты подглядывала?

— Так это был Орехин?

Я вздыхаю.

— Да.

Ира издаёт какой-то победный звук. Будто лично выиграла квартиру в центре города. Или хотя бы путевку на Мальдивы.

— Я знала!

— Что именно ты знала?

— Что он к тебе неровно дышит.

— Не придумывай.

— Варя.

— Что?

— Мужчина не возит женщину на своей машине просто так. Или ты думаешь он по доброте душевной тебя обратно привез как заслуженную труженицу?

— Ну это был правда дружеский подвоз.

— Конечно. Рассказывай мне дальше. Ну, о чем вы говорили? Давай не томи.

— Не о чем. Он показал мне новый филиал и подвез до работы.

— Ого-го, просто экскурсия для лучшего сотрудника. Так говори, куда вы идете?

— Никуда мы не идем. Иван позвал завтра на открытие, но у меня завтра важные занятия, я не могу их отменить.

— Варя.

— Что?

— Ты когда-нибудь позволишь себе просто жить?

Я открываю рот. Потом закрываю. Потому что отвечать нечего.

— Нет, серьёзно., — продолжает она. — Вот скажи мне честно. Что тебе ещё надо?

— В смысле?

— Красивый. Успешный. Нормальная работа. Не сидел! - что особенно важно.

Я невольно фыркаю.

— Господи.

— Что господи?. — Она понижает голос. — Вот это мужчина.

— Какой мужчина?

— Такой. Варя, он взрослый. Серьёзный. Вежливый. При деньгах. Без уголовного прошлого. Не исчезает на две недели. Не заставляет людей пить валерьянку.

— Ты его вообще не знаешь.

— А твоего сидельца знаю?

Я вздыхаю. Вот тут не поспоришь.

— Между прочим, — продолжает Ира, — он на тебя так смотрит.

— Как?

— Как мужчина, которому ты нравишься.

Я чувствую, как начинают гореть щёки.

— Прекрати.

— Не прекращу. Потому что впервые за год я вижу рядом с тобой нормального кандидата.

— Орехин не кандидат.

— Отличный кандидат.

— Ира, мы просто общаемся.

— Конечно. И общаетесь дальше. Только делайте это чуть более активно.

Ира несколько секунд смотрит на меня. Потом тяжело вздыхает.

— Варя, ты невозможная.

— Мне уже говорили.

— Нет, серьёзно. Если ты в итоге выберешь своего уловника вместо Орехина, я начну верить в порчу.

Я не выдерживаю и смеюсь. А Ира качает головой.

— Нет, правда. Вот этот Орехин — это подарок судьбы. Ты заслуживаешь хорошего мужчину.

Я скорее ретируюсь и возвращаюсь на свое место, ко мне уже пришли ученики и буквально спасли от нравоучений Иры.

Домой я возвращаюсь уставшая. День был длинный. Слишком длинный.

Ира ещё полчаса пыталась убедить меня, что Иван Орехин — подарок судьбы, а я неблагодарная женщина, которая этот подарок упорно игнорирует. Под конец я уже просто сбежала в кабинет.

Теперь наконец тишина.

Я снимаю обувь. Ставлю чайник. Бросаю сумку на стул. И только потом достаю телефон.

На экран сразу падает уведомление от Дениса. Сердце почему-то реагирует быстрее головы. Открываю.

«Как день прошел, зайчона?»

Я невольно улыбаюсь.

Следом ещё одно сообщение.

«Хотел заехать.»

Пауза.

«Но тебя уже не застал.»

Я несколько секунд смотрю на экран. Вот ведь настырный. Хотел заехать. Буднично. Словно это совершенно нормально. Будто две недели назад он не исчез без объяснений. Будто между нами ничего не изменилось. Я ведь ясно сказала, что не нужно за мной приезжать.

Пальцы сами тянутся к клавиатуре. Но я не успеваю ничего написать. Потому что приходит ещё одно уведомление. На этот раз от Ивана.

Я открываю чат.

«Добрый вечер, Варвара Сергеевна.»

Даже сообщения у него вежливые. Ни одного лишнего слова. Следующая строчка появляется почти сразу.

«Надеюсь, вы всё-таки передумаете и завтра найдёте возможность заглянуть на открытие.»

И смайлик. Спокойный. Деловой. Совершенно безобидный.

Я смотрю на два открытых диалога. На двух мужчин. На

два сообщения. И неожиданно начинаю смеяться. Сама над собой. Потому что ситуация какая-то абсурдная.

Один успешный, воспитанный, правильный. С новым филиалом. Нормальной работой. Нормальной жизнью.

Второй таксует на отцовской «Ладе», курит как паровоз и может назвать незнакомого водителя придурком раньше, чем успеет подумать.

Логика подсказывает, что выбор очевиден. Вот только сердце почему-то логикой пользоваться отказывается.

Я вздыхаю. И всё-таки отвечаю сначала Ивану.

«Спасибо за приглашение, но я правда не смогу.»

Ответ приходит почти сразу.

«Жаль. Но я хотя бы попытался. тогда просто пожелайте мне удачи.»

Улыбаюсь.

«Удачи.»

Потом открываю переписку с Денисом. Долго смотрю на экран. Слишком долго. А потом пишу:

«Я была на работе.»

Ответ приходит мгновенно. Будто он всё это время держал телефон в руках.

«Уже понял.»

Я закусываю губу. И почему-то сразу понимаю. Не просто понял. Узнал. Приезжал. Не застал. Поджидал. Уехал. Эх, Варя, Варя.

Глава 13

Варя

Утро начинается прекрасно.

Сегодня у меня занятия начинаются с девяти, можно никуда не спешить, но я все равно встаю без будильника. Одеваюсь, делаю макияж, завтракаю. На улице прекрасная погода. Светит солнце. Невольно думаю о Иване. Погода располагает к прекрасному открытию. Я открываю окно на проветривание и смотрю во двор.

Я стою возле окна с кружкой кофе и чувствую, как медленно отключается мозг. Потому что под моим подъездом стоят две машины. Белая «Лада». И чёрный внедорожник Орехина.

Рядом с внедорожником стоит Иван. С кофе в руках. Спокойный. Будто приехал сюда по совершенно нормальному поводу.

Рядом с «Ладой» стоит Денис. Курит. И выглядит так, будто готов убить любого, кто попытается с ним заговорить раньше девяти утра.

Я моргаю. Потом ещё раз.

Машины никуда не исчезают. Мужчины тоже.

— Нет.,— Шепчу я. — Нет-нет-нет.

Сердце начинает колотиться. Я быстро падаю вниз и ползу к телефону, будто меня сейчас снайпер застрелит через окно.

Я хватаю телефон. Открываю общий чат с Катей и Ирой. Потом понимаю, что это слишком серьёзная ситуация для

переписки. И звоню. Первой отвечает Ира.

— Если ты разбудила меня просто так...

— Под моим подъездом стоят двое мужчин., — шепчу
будто те двое могут услышать меня на четвертом этаже.

— Что?, — Сразу просыпается. Мгновенно. — Какие
мужчины?

— Иван и Денис.

Пауза. Очень длинная.

— Кто?!

— Иван Орехин и Денис Мельников.

— Вместе?!

— Нет!

— Слава богу.

— Они стоят рядом на парковочных местах.

Я снова выглядываю в окно очень аккуратно, будто с четвертого окна мой нос можно заметить. Оба на месте. Снова падаю на пол.

— Что мне делать?

Ответ прилетает мгновенно.

— ВЫХОДИТЬ К ОРЕХИНУ!

Я даже телефон от уха отодвигаю.

— Варя! — возмущается Ира. — Ты вообще видишь, какой мужчина тебя ждёт?!

— А Денис?

— Стоп., — Наступает пауза. — А Денис там откуда взялся?

— Не знаю!

— Этот уголовник, что решил объявиться? Это же сериал какой-то.

Я начинаю ходить по квартире.

— Мне плохо.

— Не драматизируй.

— Под моими окнами стоят два мужика.

Ира возвращается к главному вопросу:

— Так. Орехин зачем приехал?

— Наверное на открытие пригласить.

— Видишь!

— А Денис?

— А этого гнать поганой метлой! Варя не вздумай даже смотреть в его сторону!

Я снова выглядываю в окно.

Денис стоит возле машины и курит. Иван смотрит в телефон. Они находятся метрах в двадцати друг от друга. И даже не представляют что приехали к одной и той же женщине.

— Ира, а если они познакомятся?

— Не познакомятся.

— Почему?

— Потому что ты сейчас выйдешь.

— К кому?!

— К Орехину конечно! Так Варя, ты там нормально одета? Давай, волосы в сторону и пошла походкой от бедра прямо к нему, не поворачиваясь!

Я закрываю глаза. Потому что чувствую — это утро добром не закончится. Совершенно точно не закончится.

С Ирой разговаривать бесполезно. Звоню Кате и получаю такую же реакцию. Да вы сговорились что ли?

На работу надо ехать. Это единственная нормальная мысль в моей голове. Надо просто выйти из квартиры, сесть в одну из машин и поехать. Просто. Легко. Элементарно. Если бы только под моими окнами не стояли сразу два мужчины, каждый из которых по какой-то причине решил появиться именно сегодня утром.

Я снова выглядываю в окно.

Иван всё ещё возле своего внедорожника. Денис всё ещё возле «Лады». Отлично. Просто отлично.

Я смотрю на часы. Восемь пятнадцать. Через двадцать минут у меня первое занятие. Через двадцать минут я должна быть взрослым ответственным педагогом. А не женщиной, которая прячется в квартире от двух мужчин во дворе.

Я хватаю телефон и звоню в центр.

— «Росток», доброе утро.

— Прасковья Николаевна, здравствуйте. Это Варя.

— Что случилось?

Я закрываю глаза.

— Я немного задержусь.

— Насколько немного?

— На час.

— На час?

— Мне нужно к врачу., — выпаливаю первое что приходит в голову.

Пауза. Очень неприятная.

— К врачу?

— Да. Срочно.

Господи, прости меня.

— Что-то серьёзное?

— Нет-нет. Просто... самочувствие.

Я ненавижу себя. Правильная Варя Литвинова врёт на работу, потому что не может выйти из подъезда. Прекрасно.

— Хорошо, — наконец говорит Прасковья Николаевна.

— Только предупреди, когда будешь ехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.